
ПОМНИМ

**В 1962 году было
принято решение
считать каждое
второе воскресенье сентября
Международным днём памяти
жертв фашизма,
основной целью которого является
борьба с идеологией
возрождения фашизма.**

«Русский литературный центр»
2017 год

О проблемах фашизма весь мир вспоминает всего лишь три раза в год: 22 июня — в день начала Великой отечественной войны в России, 10 сентября — в Международный день памяти жертв фашизма, так как в сентябре гитлеровцы пошли войной на мир и именно в сентябре они были разгромлены во всем мире, но несколько лет спустя, а еще 9 ноября — в день первого массового расстрела евреев и начала Холокоста.

Однако вспоминать о таком не нужно. О таком нужно не забывать и готовиться каждый год к празднованию дней, связанных с той войной, той победой и теми трагедиями. Это важно не для истории или политики: история всегда остается в прошлом, а политики лишь твердят о будущем. Это важно для нас и наших детей — здесь и сейчас. Ведь каждое всенародное потрясение остается в ДНК народа. А значит, пока мы сохраняем свою память, мы знаем из чего было слеплено наше родовое гнездо и какую цену за это заплатили наши родители. Знать цену себе и своему роду — одна из наилучших возможностей сохранить человеческое достоинство и великий дар наших предков.

Мы не забываем памятные даты. Мы — Русский литературный центр. Мы — писатели и литературные работники. Мы — помним...

Ваш,
Никита С.Митрохин
генеральный продюсер
Нацпечати «Русский литературный центр»

ПОЭЗИЯ

Дмитрий Зотов

***

*Если б Бог задумался об аде,
Он бы не спросил у сатаны.
Просто выбрал место в Ленинграде
Посреди одной большой войны.*

*Там где горло стягивал гарротой
Голод тем, кто силы исчерпал.
Там где косари нашли работу,
Пряча в капюшоны черепа.*

*Где, страшной отчетов инквизиций,
Дневника страницы под стеклом.
В нем закрыты скорбной маской лица
Всех родных. И ужас входит в дом.*

*Некому воскликнуть: «Боже, ратуй!
Меч в руке, карающий, сожми».
Холод застывал в глазницах статуи -
Тех, кто были только что людьми...*

*Тем кто выжил многого не надо.
Сухарей и спичек про запас.
Да еще сознания, что ада
Можно не бояться в смертный час.*

9 мая

*Пока весною всходят семена
Деревьев, что война не пощадил,
Пока моя великая страна
Слова солдатских песен не забыла,*

*И алый сполох Вечного огня
У наших павших держит оборону,
Всем пришлым говоря: «Не тронь меня!
И я тебя согрею, но не трону».*

*А в избах, возле дедовских икон,
Что снова слышат голос колокольни,
Хранится пара выцветших погон
И фото, и солдатский треугольник.*

*И ветераны тянут, что есть сил,
Из наших душ забвения занозы,
Не сохнут в этот праздник на Руси
Людские и березовые слезы.*

13.04.2015 года

Ким Ярушко

Ребята сороковых

В советских морях бой вели корабли,
 А к фронту с бойцами неслись поезда,
 А мы, пацаны из придонской земли,
 Купались в реке, как всегда.
 Забыли о драках, обидах друг к другу,
 Война научила, как стать нам добрее,
 И, лежа на печке, под зимнюю вьюгу,
 Мечтали, как вырасти нам поскорее.
 Шли письма из фронта, конверт —
 треугольник,
 С пометкой в/ч и без марки,
 Их вечером мама читала, как сонник, -
 Они были нам, как святые подарки.
 Мы верили, - бати вернуться живыми,
 Кого не видали, хотели любить,
 По улице мчались ногами босыми
 И знали, - отцы нас не смогут забыть.
 Как долго война та колючкой продлилась,
 Под выстрелы, взрывы всё детство прошло,
 Но часто ночами, Победа нам снилась
 Пришла, наконец, взял нас Бог под крыло.
 Не все возвратились родные с Победой,
 И в каждой семье был великий урон,
 Я помню веселье, в слезах мать и дада,
 Погибшего сына оплакивал он.

*Когда повзрослел, смог понять это горе,
Мне кажется было всё это давно,
Но в памяти часто встаёт оно морем,
А нам, пацанам, то забыть не дано.*

История донская

*Шла война беспощадно — жестокая,
А над степью усталую — стон,
Революции бури примчались далёкие
На геройски прославленный Дон.
Не нужны им казачьи заслоны,
Позабыта история подвигов их,
Тучи чёрные двинулись к Дону,
Чтобы вольности дух весь казачий притих.
А в Гражданскую Дон всполыхнулся ретиво,
Поднялись эскадроны за долю, за честь
И оттенок сочувствия к белым незримо, -
По станицам гуляла та важная весть.
Отгремела война, жизнь настала другая,
Не Булавина власть, —*

власть Советов пришла

*И судьба повернулась к казакам иная,
Видно славная доля казачья ушла.
Часть донцов боевых уплыла за границу,
А другая осталась ещё воевать,
И шумели курганы, да вороны — птицы,
Но никто не хотел просто так умирать.*

Вечная память

*От бати знаю тяжесть отступленья,
Друзей теряли, братьев и отцов,
Остались там, в плену, бойцы в изнеможении,
На всех фронтах теряли русских храбрецов.
Из памяти своей Отчизна многих потеряла,
Решали сверху: в плен попал - тот враг,
Лишь матушка родная твёрдо знала:
Сдать Родину свою сынок не мог никак.
И отступали с верою в Победу, в Бога,
Стояли за свою земельку до конца,
Душа металась, в бой вела, в дорогу,
Дух крепок был, рвались одни сердца.
А отступить нельзя, не любо и не мило,
Громаден был, тяжёл солдатский труд,
Но всё ж хватило воли, силы
Братъ в штыковую фрицев, их редут.
Года те позади, но время рассудило,
Поставило тогда все точки над войной,
Победа та народы многие сплотила,
Держава наша стала сильною страной.
Храним мы в памяти родных и близких,
Погибших воинов, живых поверженных ребят,
Поклон от поколений всех им низкий,
Россию сохраним, пусть помнит враг.*

Потомки, помните

Снаряды рвутся, гибнут люди,
 А смерть кого-то ждёт с косою,
 Кто здоров остался, точно будет
 Молиться Богу, что живой.
 Внезапно стихли звуки взрывов,
 Слышна команда, крики, стон,
 Готовы роты для прорыва
 За честь, за Сталина, за Дон.
 На поле танки загудели,
 Меж ними фрицев виден рой,
 Сорокапятки вдруг запели
 И разорвали вражий строй.
 В атаку ринулись солдаты,
 Бегут, а тело — как струна,
 Сквозь гул слышны глухие маты -
 В бою Победа так нужна.
 Летят на штурм штрафные роты,
 Кто ранен, кто совсем притих,
 Прицельно лупят миномёты,
 Фашистов пыл бойцовский стих.
 Пошли ребята в штыковую,
 И в страхе полном подлый враг,
 Нашёл он здесь судьбу гнилую,
 Что может встретиться лишь в снах.
 Кто выжил в том бою суровом,
 Иль раненым пришёл домой, -
 Он защитил нас своей кровью

*И тех, остался кто живой.
Война давно осталась в прошлом,
Потомки, помните дедов,
Их время жизнь не запорошит,
Через столетья вспомнят вновь!*

Случай из жизни

*Двенадцать неполных лет, мальчишка -
Горе всем принесла война -
Читал запоем стихи и книжки,
Жил как и все, как страна.
Трудно в военные годы было,
Но сил хватило разбить врага,
Молились Богу, копили силы,
Победу ждали сквозь бурю, снега.
Рассказы отца о боях возбуждали,
Хотелось стать командиром, как он,
В разведке тоже бойцов теряли,
И много калек возвратилось на Дон.
Случай один никогда не забуду,
Душу мою он грозой встряхнул,
Будто прорвала вода запруду,
А я словно в пропасть шагнул.
Катил танкист без ног на коляске,
Волнуясь, спешил из последних сил,
Ордена блестели на старой рубашке,
Девчат о чём-то он скромно просил.
Шли с шумом весёлой гурьбою,*

Девчонки не боле семнадцать годков,
 Красивы, опрятны, довольны собою,
 На просьбу насмешливо хмурили бровь.
 В автобус легко народ загрузался,
 Свободный почти, но сигнал подаёт,
 Не может танкист на ступеньку подняться,
 Тоска в глазах: может кто подмогнёт?
 Всё понял сразу парень во флотском,
 К танкисту рванул коляску поднял,
 В автобус занёс, как подлодку,
 Танкиста, как верного друга, обнял.
 Так стыдно мне стало за этих девчонок,
 Их ведь тоже коснулась война,
 Не знали, видно, вкус похоронок,
 Им совесть Богом зачем дана?

Встреча

Повстречал я старика в электричке,
 Палкой землю он долбил по привычке,
 А кирзовы сапоги, видно, стёрты,
 Но блестят, чёрной ваксой натёрты.
 И на брюках галифе — стрелки,
 Но размер их небольшой — мелки,
 На глазах его очки черны,
 Руки жилисты, сильны, темны.
 Взгляд у деда виноват, тусклый,
 Словно света маловато у люстры.
 Кем был раньше никто не знает,

Словно свечкой в миру догорает.
Подпоясан ремнём он солдатским,
Как в бою, не хватает лишь каски.
Сквозь очки не проходит свет,
Пережил в жизни много дед.
Где живет, ничего не знаю,
Но слезою в глазах провожаю.
Был героем на войне — точно,
На земле он стоит прочно.
Жизнь святую он прожил, наверно,
Я не знаю, но верю, верю.
И затихла в вагоне шумиха,
Смех пропал, стало тихо-тихо.
Будто мимо прошло столетье,
Как пример всем живущим на свете.

Надежда

Наши предки — для нас они святы,
На защиту Отчизны вставали.
И последним броском, да гранатой
Шли на смерть и врага побеждали.
А сегодня застыли в граните,
Грозной глыбой стоят над Курганом.
Я прошу, я прошу Вас, простите,
Ваша слава покрыта туманом.
Я прошу Вас, я прошу Вас,
Я прошу Вас, простите,
Ваша Слава, Ваша Слава,

Ваша Слава застыла в граните...
 Много крови Россия теряла
 От нашествий, раздоров, неволи,
 Но из пепла всегда восставала, -
 Ей суровая выпала доля.
 И сегодня, родная, страдает,
 Будто ранена, дышит тревожно,
 А народ наш с молитвой взывает
 К лучшей жизни, ведь это возможно.
 К лучшей жизни, к лучшей жизни,
 К лучшей жизни, народ наш взывает!
 А Россия, а Россия, а Россия,
 Как прежде страдает...
 Жизни сколько отпущено свыше,
 Мы не знаем, - а нужно ли это?
 Снег и дождь лишь стучатся по крыше,
 Осень только в душе, - где же лето?
 Перемен ждут сердца, как и прежде,
 Мысли, словно обрывки речей,
 Люди руки взмывают в Надежде,
 Ждут подмогу от Божьих лучей.
 Перемен ждут, перемен ждут,
 Перемене ждут сердца, как и прежде...
 Руки к небу, руки к небу,
 Руки к небу, взывают к Надежде!

Летящий танк

Былого не вернуть, не надо,
Но удержать в душе хочу,
Рассказ про парня боевого склада,
Он танка командир, баранку я кручу.
Ворвался первым танк его в родимый город,
За ним мост заминирован, взлетел,
Василий — лейтенант горяч и молод,
Слегка ругнулся, к бою приготовиться велел.
Друзья, сказал он экипажу,
Нас Ангел выбрал, лучших, для борьбы,
Побольше пошумим, побьём, заразу,
Ведь нет у нас другой судьбы.
Помчался танк в неистовый поход,
Один рванул к комендатуре на фашистов,
Стрелял, давил по улицам тот сброд,
Метался бурей по городу со свистом.
В испуге, неведении немецкие солдаты,
А паника и слухи облетели городок.
Ругались офицеры на немецком матом,
Но молча танк, давал врагам урок.
Неравный бой, и до последнего патрона
Сражался в одиночку экипаж,
Погибли все, но много фрицы понесли урона,
Остался танк, он и сейчас стоит
Как памятник, России верный страж.

Мы - дети войны

Мы — дети войны,
 Той большой, в сорок первом,
 Нас матери, деды,
 От смерти спасли.
 Не знали они,
 Сколько ждать до Победы,
 Но жили, терпели,
 Как только могли.
 Мы помним войну,
 И разруху, и голод,
 Да детство суровое
 В мирные дни,
 Игрушки из тряпок,
 Ненастье да холод,
 То время бывшее
 В душе сохраним.
 А помнишь, играли
 В войнушку с оружием,
 Наганы в карманах,
 Патронов полно...
 Да взрывы от бомб
 Души веером кружат,
 Такое прожить
 Нам судьбой суждено.
 Не всех мы отцов
 Дождались до Победы,
 А в прошлое мчатся

*И даты, и жизнь,
Мы стали седыми,
Ушли в небо деды,
Частенько друг другу
Желаем: держись!
Пусть наши потомки
Растут, веселятся
И любят Отчизну,
Земелюшку — мать,
Дай, Бог, им удачи,
Правнуков дожждаться,
Россию родную,
Как знамя, поднять!*

Штрафная рота

*В полный свой рост идёт,
Тратит патроны без счёта,
Со свистом и руганью прёт
В атаку штрафная рота.
Каждый поставил на кон
Себя, свою жизнь и Победу,
Рвутся снаряды, звон,
Смерть там идёт по следу.
Не страшен им суд любой
И трибуналом разжалованы,
Каждый из них рядовой,
Нужна лишь Победа, не жалованье.
В небо уходят строем*

Души погибших солдат,
 Под оружейным зноем
 Не слышен по ним набат.
 В крови застыла трава,
 Взяли высоту чудом,
 От роты осталось едва
 Шесть штрафников неподсудных.
 Как оправдать те потери
 В жёсткой и страшной войне,
 Каждый в Победу так верил,
 Славу принёс он Стране.
 Звон победного Мая
 Больше не встретят они,
 Родина наша, родная,
 Честь тем погибшим верни.
 Не страшен им суд любой,
 И трибуналом разжалованы,
 Каждый из них рядовой,
 Нужна лишь Победа...

Поклон тебе, солдат

*Бьют радостью колокола,
Ушла война со звоном,
Победа любя и мила,
Но вся страна в уронах.
Суров, горяч победный год
И нет числа потерям,
В печали каждый русский род,
Ждёт всех бойцов и верит.
Не наступили мир, покой,
Бои ведут солдаты,
А ведь так хочется домой,
К себе, в родные хаты.
И погибают в двух шагах,
В последних от Победы,
В Европе, на чужих полях,
Отцы, сыны и деды.
Уже рейхстаг почти захвачен
И Гитлер в бункере дрожит,
А чья — то мать в России плачет
И в мыслях с сыном говорит.
Шепнул губами перед смертью
Сынок, мальчишка в маскхалате:
Вот, в треугольном том конверте:
Письмо на Родину отправьте.
Нет, не погибли те ребята,
Их души в небушке парят,
За нас отдали жизни, святы,
Поклон земной тебе, солдат!*

Клянёмся

Мужское горе, в сердце раны
 Чертой у сжатых губ легло,
 Сидят в обнимку ветераны
 Лицо тоской заволокло.
 Пришла Весна и Праздник Мая,
 И день Победы над врагом,
 Войну солдаты вспоминают,
 Кто чудом выжил в мраке том.
 Своих друзей, чьи семьи в горе, -
 Их память помнит, как живых,
 В могилах братских, в чистом поле,
 Весёлых, смелых, молодых.
 За встречу тост они поднимут,
 За павших выпьют под салют,
 За их покой в сырых могилах
 С печалью песни запоют.
 Фашизм разбили в разных странах,
 Там помнят русичей — бойцов,
 Живых, погибших ветеранов,
 Честь сохранивших храбрецов.
 Потомки русские героев!
 Клянёмся то не позабыть,
 Россию с непростой судьбою
 Как Божий Мир хранить, любить!

Сергей Александров

Вспоминания мёртвого снайпера

*Под утро подошли к селу. Всё тихо.
Я винторез свой снял и автомат...
Пристроил к тыну СВДишку Тихон –
Мой лучший друг.*

*Мой – просто – старший брат.
«Не ссы, Игнат, возмём село без боя!
Там – старики. Да доньки их с детьми.
Пошарим в хатах. Барахло – с собою.
Себе вон – куртку новую возьми.
Едой затарься. Молодух потискай.
Потом – к погосту. Там у нас и сбор.
Но – не стрелять. Вдруг ополченцы близко...»
Погладил он винтовочный затвор;
И мы, скрываясь в зарослях малины,
Прошли в село. Там были три часа.
Мне этот день казался очень длинным...
И к вечеру забылись те глаза
Девчушки рыжей в платице коротком –
Его я очень быстро разорвал
За клуней. И своей ладонью потной
Зажал ей рот. Потом – на сеновал...
Мы затаились средь крестов могильных.
Над головами не слышать пичуг.
Истыкал Тихон веточками пыльник –
Он снайпер. Он молчит. И я молчу.*

Его в Нововолынске ждёт Оксана,
 И нас обоих – старенькая мать...
 Вон чья-то тень. Но я пока не стану
 Её из эСВеДику проверять.
 Мы ждём добычи более серьёзной:
 Здесь скоро мимо «Скорая» промчит.
 А там – «колёса». Метадон, возможно.
 Вот наша цель. А то, что там врачи –
 Так это их проблемы, а не наши.
 Пускай не проявляют доброты...
 Но у водилы был с собой «Калашник».
 Теперь над нами – небо и кресты...

Щастя

Это – Счастье – когда ты дома.
 Это – Счастье, в нём рядом – дети.
 Это Счастье – тебе знакомо,
 И так дорого всем на свете!

Это – Счастье – пройтись с друзьями.
 Это – Счастье – журавель в небе.
 Это – Счастье. И было – с нами...
 А теперь его просто нету.

Щастя нет – и не стало счастья
 В повзрослевших глазах ребёнка.
 Его стёр оружейный «ластик»
 И разрыв прилетевшей бомбы.

*И Бедою дома накрыло,
В них дымами вползает Лихо...
Здесь – для жителей – Счастье было.
А теперь – меж домами – тихо.*

*Лишь цвиркнет кузнечик робко
В огороде под бузиною.
Но уже зарастает тропка
Вся крапивой да лебедою.*

*Вот такой теперь – город Счастье –
Скоро полностью с карты сгинет....
Только кукла с табличкой «Настя»
У разбитой лежит витрины...*

Несбывшийся вальс

*Забывтый фотоальбом в доме на снос,
или сослагательное наклонение в истории*

*Вот старый альбом. Вот фото. На нём:
Стоишь ты, она присела.
Такой бравый вид, и взгляд – как гранит.
Она же – в венчальном белом.
Бьют волны в причал; и ты ей кричал
Слова сквозь салют прибоя.
Там, в жизни другой, ты верил в любовь...
А здесь – шёл на дно с конвоем.*

Вот писем штук пять, и в клетку тетрадь,
 Засохший листок кленовый.
 И думали вы – не будет беды;
 И жизнь начинается снова.
 Она – молода. Так будет всегда.
 И вальс – среди яблонь белых -
 Там, в жизни другой, кружила с тобой...
 А в этой – ты был расстрелян.

Откроется шкаф: на плечиках – шарф,
 И китель под ним в наградах.
 А ты – вспоминал, как жару давал!
 И знал ты врага как надо!
 И вдруг – медсанбат, её нежный взгляд,
 И губы – спелей малины...
 Там, в жизни другой, пришёл с Ней домой...
 А здесь – ты лежишь под Клином.

Студентка – она. А ты – ни хрена
 Не смыслишь в тычинках этих!
 Тебе б – в самолёт, да снова в полёт.
 А лучше бы – на ракете!
 Она будет ждать, встречать,
 провожать...
 А дальше – приёмы, фраки.
 Там, в жизни другой, ты – просто Герой...
 А в этой – исчез в ГУЛАГе.

*Вот – старый альбом... События в нём
Все выцвели. В пятнах ржавых.
Кому нужен он?.. Лежит под столом
Эпоха другой державы.
А помнишь года, лежал он когда
На видном, почётном месте?
И крутится мысль – не там родились...
Ведь – если бы... Если б... Если...*

*И, как старый диск, всё крутится мысль:
А вдруг, где-то – там... А если б...*

Остался только один

*С затянутого дырами дымов неба падали
белые невесомо-пушистые хлопья. Люди хму-
рились – всё-таки начало мая, и радовались
тому, что уже не стреляют...*

*А где-то высоко-высоко умирал от попав-
шей в него ракеты предпоследний*

Ангел-Хранитель.

И перья осыпались – и всё падали и падали...

Альберт Ворон

**Безымянный солдат
вышел в путь...**

*Вышел солдат из дома,
Чтобы путь свой вершить.
И прокралась за ним тьма,
Дабы его силу перехватить.*

*Не испугался солдат,
Выхватил свой автомат,
Да начал стрелять во вражий отряд,
Пуская в них свинцовый снаряд.*

*Враги не стали медлить,
Сами начали атаковать.
Позади солдата появился луч светлый,
Сила его начала нарастать...*

*Конец войне. Закончился ад.
Значит, Победу наши отметят.
И про войну напишут много баллад
И подвиги безымянных солдат заметят.*

Стихотворение
про безымянного солдата

**Бойтесь войны,
берегите мир**

*Слышны звуки колоколов, –
Они зовут восстать весь прах.
Загудели ветра холодов
И наступит полночь на часах.*

*Все жертвы восстали,
Чтобы обрести покой.
И духов врагов они наказали,
Скрываясь за городской пустотой.*

*Весь мир замер в ожидании
Чего-то грустного и безутешного.
И мёртвый звон напомнил о создании
Беспощадного и страшного лагеря грешного.*

*Жертвы летели по ветру,
Нагоняя страх и жалость.
И кричат птицы,
И узники не знают, что такое усталость.*

*Жизнь замерла вокруг,
Часы пробили двенадцать раз.
Не лети к живым, мой друг,
Уноси всех этих зараз!*

*Ночь. Ветер снова начал разбушеваться
И души узников не найдут покоя опять.
Они будут вновь и вновь сюда возвращать-
ся,
Пока прошлую боль не смогут унять.*

*Души узников! Прекратите восставать!
Вы не сможете всех своих обидчиков пока-
рать!
Дайте всем людям шанс на новую жизнь.
Прах узника, с живыми простись и обрат-
но к себе возвратись!*

Стихотворение
посвящено узникам Бухенвальда

Ад на земле Ленинград

*Сколько бы слов не говори,
Сколько бы текстов не перечитывай.
Гори, война, гори,
И за все смерти отчитывайся.*

*В самые тяжёлые времена,
Когда в Ленинграде была блокада.
И у жителей жизнь была нервна,
Падала на эту землю маленькая прохлада.*

*Сколько всего люди пережили –
Нам всем не перечестъ.
Тут не только взрослых хоронили,
Ни у кого не было даже хлеба поесть.*

*Хлеб привозили очень редко,
Народ ел даже воробья.
Многие хоть и стреляли очень метко,
Не было вовсе тут житья.*

*Многие от голода погибали,
Некоторые от заболевания лёгких.
В этот момент небеса молчали
И ямы умершим рыли очень глубоких.*

*Ада нету под землёй,
Всё это на планете Земля.
Немцы ползли, будто змейёй,
Ад творился до января.*

*Много умерших от голода.
Много погибших от подрыва.
И на земле стояли жуткие холода,
Жизнь падала с обрыва.*

*Мы, люди, помним все события,
Что 900 дней творилось там.
Многие жители пережили кровопролития,
Все помнят события по крестам.*

Валентина Иванова

Лики Победы

*Я странное дитя семидесятых...
Войну Великую по книгам изучала...
Поклон и слава победителям солдатам...
На ту войну, простите, опоздала...*

*На мраморной плите увековечены...
Навечно молодые и красивые..
А сколько их вернулось искалеченных.....
А сколько их остались позабытые...*

*У каждого из них своя Победа...
Свой вклад, внесенный ношей непосильной...
Десятки тысяч, не доживших до рассвета...
Соединила Братская могила...*

*Июнь. Июль. Всё только начиналось..
Передовая. Брустверы из трупов..
Мальчишкам ничего не оставалось..
На танки с голыми руками, стиснув зубы.*

*Окопы из кровавого потока...
И сотни тысяч молодых ребят...
Статистика упряма и жестока...
Но среди живых нет Рядовых солдат...*

*Кто их тогда считал, и кто расскажет..
 Тех, кто за нашу Родину сражались..
 Им было страшно - школьники вчерашние..
 Они свою Победу одержали..*

*Ночная смена. У станка девчонка..
 От холода и голода шатаюсь....
 Замерзшими и тонкими рученками..
 Свой вклад в Победу совершить пыталась...*

*Еще один снаряд готов к отправке...
 А есть ли те, кто помнит её имя....
 Ни документов нет, нет даже справки...
 Но разве же она не Героиня???*

*А целые деревни вымирали...
 Где не было в помине сельсоветов...
 Там наши женщины в плуги впрягались..
 Растя зерно - всё для своей Победы...*

*Не сочтены и не упомянуты....
 Их дети, что от голода погибли....
 И их Победой стали те минуты....
 Что всем смертям назло прожиты...*

*А Ленинград.. Голодное проклятье...
 Дома-скелеты в призраке Победы..
 Отцы и матери..сестренки..братья..
 И их собака..ставшая обедом..*

*Я, может, крамольно свои слагаю мысли...
Прошу простить..и не сочтите бредом...
Скажу словами всем известных истин-
Имеет очень много лиц Победа..*

*Предательство во все века в истории...
Отмечено зловонной черной повестью...
И одержали эти недостойные...
Свою победу. Над своей же сгнившей
совестью.*

*Не верили в Страну, в Народ не верили.
Взыграл инстинкт звериный выживания...
И им в награду дали поколения...
Позорное,холодное изгнание...*

*Всё пережили. Вот он - День Победы...
Фашизм низвергнут и под флагом белым....
Не прячут слезы наши с вами деды...
Солдаты и Народ. В едином целом.*

*Я странное дитя семидесятых..
Я ту Войну по книжкам изучала...
Поклон вам низкий до земли, ребята..
На ту Войну, простите, опоздала.*

Смогла бы?

*Смотрю кино про подвиги солдат...
И вдруг подумала...а что бы было если...
Меня б туда..на семь десятков лет назад...
Я стала бы героем этих песен?*

*Смогла бы я, как те, кто не пришел...
Сражаться так же смело, беззаветно...
Иль на морозе, вся облитая водой...
Молчать и не давать ответов...*

*Вообще..смогла бы просто убивать?
Людей не видя в вражеских солдатах..
Как можно человека расстрелять?
И с этим жить потом спокойно, безоглядно...*

*Не знаю...можно много говорить...
Одно бесспорно - подвиг их бесценен...
Нам довелось в другое время жить...
Спасибо тем, кто Родине был верен.*

Карина Козлова

***

Омытая кровью земля под ногами,
В руках одинокий гвоздики цветок;
Стоит, плачет мать и ищет глазами,
Шепча тихо -тихо: «Ну, где ты, сынок?»
А перед ней монумент с именами
И длинные списки погибших бойцов;
Стоит мать и плачет часами и днями,
Лелеет надежду «Жив ли сынок? «
Уже вечерет и ноги устали,
Но мать безутешно все ищет глазами,
Все ищет до боли знакомое имя,
«Сыночек, найдись»- шепчет неувовимо.
Но нет больше сил, и надежда уходит,
А мать безутешно все бродит и бродит...

Алексей Мильков

*Навеяно стихотворением Маяковского
«Разговор с фининспектором о поэзии»*

**Разговор с молодым
поэтом-повесой о войне**

*Я боль презрел, когда был молод тоже,
Я страсть дерзнул, попутал словно бес,
Я радость скрыл, когда явилась, боже!
Еще из дев, как доброй воли жест.
Жест откровенный, дерзкий был
и спорый.*

*Достойный,
верный,
пылкий паритет.*

*За страх и риск я был готовый
На яркий символ наших с ней утех.
«Мать-Родина зовет!» – плакат маячил.
Понятен был взмах Матери руки.
Плакат взывал, и требовал, что значит...
Забудь про женщин и умри с тоски.
И тут плакат заговорил:*

– Приятель!

*Пора «любовь-морковь» не рифмовать.
Очнись! Перед тобою неприятель,
Прозорливый и гнусный,
яко тать.*

*Иди на бой кровавый с супостатом!
Отдай свой долг, и жизнь с ним положи!
А дамочку, что примостилась рядом,
Домой на печку к мамке отошли.
Вчера я вроде холост был и не был,
Но как же дар я речи потерял?*

*– Глаза открой – и зри! – тут встряло Небо,
– А, ну-ка, вспомни встречи...
ваш вокзал...*

*История тогда катилась в лету,
Я всё пространство женское объял,
Я каждую свою лихую клетку
в то женское поветрие внедрял.*

*– Не супь свой взор,
смотри в рассвет прямее! –
Мне Небо наставление дает:
– Природе всё равно, чья кровь, аля,*

*С твоею длинный водит хоровод.
С врагом ли, с девой, по пампасам
Будь тверд!*

*Держись!
Сдружись
и не брюзжи!*

*Не импотент ты, чур, признайся, часом? –
И Небо предложило:*

– Докажи!

*Я боль сносил, чудные слыша стоны.
Я страсть дышал в ромашки, в васильки.
На страх и риск попрал любви законы –
Как монстр-маньяк я вспарывал чулки.*

– Жизнь дорожи свою... – взывало Небо.

– Вперед! – на бой святой толкала Мать.

– Вынь да положь... – твердило эхо слепо.

– Всё! Хватит! Стоп! –

отвел глаза плакат.

*Я слушал Небо, делал, как оно просило.
Всё делал, как «Мать-Родина зовет!»
Ослушаться в расчеты не входило –
Она права, как прав над миром свод.*

Христиана Росс

**А вы, хоть изредка,
нас всё же вспоминайте...**

Текст для песни

*А нас с лица земли Войной стереть пытались!
И содрогалась от крови людской земля.
Мы не за Сталина, за Родину сражались!
И память вечная в сердцах - не у Кремля...*

Припев:

*Нам Небеса высокие открыли двери райские
За то, что жизни честно мы «за други положив»,
Не прятались за спинами, вот пули и украсили...
Те орденские дырочки на касках просверлив.*

*Без панихид печальных вечность нас встречала.
Прощальный взор лучом сквозь яблоневый цвет.
И громко вороны над Родиной кричали:
Конец России! Нет России! Больше нет!*

*Мы и «советские» сражались за Россию...
Кромсало Родину свинцовой тьмой небес.
С землею в кулаке мы были грозной силой.
И в чудо верили, не ждавшие чудес!*

*А кто молиться мог - тот, как святой, молился!
От слов молитв горячих раскалился б крест.
Мир уплывал бездонной синевой, кружился
Под вальс над головой берёзовых невест.*

*...А вы, хоть изредка, нас всё же вспоминайте.
Без почестей и званий, суеты и слёз.
Мы победили... Вы – Отчизны не теряйте!
Свечами Вечности в нас свет её берёз!
...Всё, растеряв, ЛЮБВИ не потеряйте!!!
Струится вечность в Ней, как сок родных берез...*

2010 год

ЧуднАя...? ЧУдная Россия!

*ЧуднАя...?
ЧУдная Россия!
В ком дышит Дух, тот ведает Тебя:
Чем Ты жива, какую дивной силой,
Какую Чашу пьёшь земного бытия?
РОСы СИЯние на солнечном восходе
И выдох-стон свирельный в Небеса --
Всё в этом имени Твоем, в душе народной,
По-детски верящей святым и чудесам.*

*Русь - мудрая дева...
Светильник Невестный
зажжён перед Храмом Небес....
тропою юродивых, узкой и тесной,
несёшь Свой сияющий крест.
И вера Твоя непонятна для чуждых,
им тайны Твоей не вместить:
как можешь, от долгих невзгод погибая,
спасаться, спасти и любить?!*

*Зовёшься Святою сынами великими!
Права ли, нежна ли, строга...
Слезами омыла Ты стопы Спасителя...
и с Ним побеждаешь врага.
Сияньем Божественного откровения
простёрлись над миром Крыла.
Россия... Удел Богородицы... сеяние...
Всё в сердце Своём Ты сложила – Рассеюшка.
И скорби венцом заплела!*

1998 год

В русской поэзии есть имена

*В русской поэзии есть имена,
Проросшие правдой под пулями.
Красоты их не тронула даже война.
Вспомните Юлию... Друнину!
Землю распахивал чёрный снаряд,
Вонзаясь обломками в небо.
Но женское мужество, слово и взгляд
Хранили сильнее берега.*

*Так у края воронки трепещет цветок,
Сверкающий алой росой.
Чтобы мир не забыл, чтобы помнил и смог
Не допускать такое!
Её не сломили ни беда, ни война:
Одолеть это можно всё, в общем...
Не смогла пережить, как в затмении страна
Побеждала свой стыд у обочин.*

*Жаль, родная,... что выход другой не нашла...
А подвиг надежд – выше чести...
Как по минному полю, Россия пошла
Вслед единственно истинной вести...
И верой Своей и врагов удивив,
Возвысится над клеветой!
Бессилен вещун их, хоть страшно спесив,
Снедаемый глухотою.*

2017 год

***

К картине живописца
советского периода
«Дама в интерьере»

Дом в брызгах солнца, зелени и цвета!
Распахнуто окно...Дыханье тюля... Света
Скольжение по янтарию паркета.

Обласканы ладоши пальмы в кадке.
Обои на стенах, на платье – складки:
Всё в розоватых бликах и струит...
Так сладко!

Вдыхать покой и чистоту убранства
Томиться ожиданьем, постоянством.
Дружить с улыбками на фото из фаянса.

Читать...Качать ногой в домашней туфле.
Дух пирогов доносится из кухни...
Шмель в лобовой о занавеси рухнул.

Гуденье пчёл...Вкус на губах кислицы.
Изгиб лебяжий перевёрнутой страницы...
День безмятежный вечно будет длиться

И отвечать на общий всем вопрос:
Как им жилось, в той самой, новой эре...?
Пусть знают все: the best в эСеСеСеРе!

*Холст. Масло. «Дама в интерьере».
Размер подрамника --... Вот дата –
...сорок первый...
...Как тонет луч в меду её волос!
Май 2017 года*

Славянокос

*К произведению Б.Т.Евсеева
«Славянокос»*

*«Славянокос» с полынным привкусом...
И небо ближе, чем земля...,
что обожжёно пальцы выпростав,
которые забыть нельзя,
гудит как безъязыкий колокол,
колосья с бурой шелухой.
Кровоподтёки звуков -- всполохи,
их не услышит лишь глухой.
Но разделяющая правда
не делит сладкий чернозём.
Славянокос -- людская жатва.
Глас трубный над померкшим днём...
2017 год*

Алексей Шарандин

Блокада

*Нам всем известна цифра 900
и чисто внешне вроде бы красива,
но сколько мужества людского в ней высот,
и как она для нас красноречива.*

*Кто в Питере родился, в нём живёт,
о ней не может вспоминать без боли-
она на Пискарьёвку всех зовёт
и слёзы сдерживать лишает воли.*

*С каким же мужеством стояли ленинградцы,
путь преграждая вражеской орде,
кто с верой в коммунизм, кто веря в святцы,
но и в Победу верили везде.*

*Для всех стал эталоном Ленинград,
Мир не видал ещё такой Блокады,
ужаснее из всех бывлых блокад,
и ставшую подобной Блоку Ада.*

*В жару и в стужу тысячи людей
на страже были Питерского неба,
чтоб жизнь блокадных уберечь детей,
свою краюху отдавали хлеба.*

*Сильнее жизни берегли музеи
и в голод сохранили фонд зерна,
всё было отдано Победы цели,
лишь, чтоб была победною война.*

*Но пережить не каждый смог Блокаду
и скольких приняла в себя земля,
стояли на смерть все не за награду,
и никому о том забыть нельзя,
как берегли Исаакий от обстрела,
как в зиму черпали воду Невы,
как горе города сочилось без предела,
и как войны залечивали швы.*

*Мы все обязаны встать на колени
пред памятью Святой Святых людей,
обязаны всем павшим поколения
за Веру чистую, за жизнь детей,
за нашу жизнь, за нашу Русь.
ВСЕМ, пережившим этот Ад,
я говорю, что Вами я горжусь -
СПАСИБО за спасённый Ленинград!*

Дорога Жизни

*Зима. Колючая поземка
водила сложный хоровод
фонарь качался над колонкой,
давно уж не дававшей вод.*

*В дали печальный силуэт,
передвигал с усилием санки,
а в них - страшной поклажи нет -
ребёнка мёртвого останки.*

*Шла третья страшная зима,
терзала замерзавший город,
но беспощадней, чем она,
людей сжимал в объятьях голод.*

*В нём каждого своя борьба,
но общая для всех дорога,
и общая для всех судьба
ведёт от самого порога.*

*Блокадный город - Ленинград
боролся, не желал сдаваться,
чтоб ни один фашистский гад
не смог над ним поиздеваться.*

*И каждый житель Ленинграда
достоин был Звезды Героя,
прожив достойно среди ада -
об этом помнить надо стоя.*

*У города была дорога,
святая ставшая для всех,
в ней вся надежда, в ней тревога
за близких жизнь и за успех,*

*за жизнь детей, живущих в нём,
за жизнь людей, стоящих насмерть.
Жила дорога ночью, днём,
лёд ткал спасительную скатерть.*

*В ней полыньи и льда торосы,
и чёрные воды разводы
на ней шофёры, как матросы,
с машинами ныряли в воду.*

*На ней воронки и разрывы
смертельных авианалётов,
души священные порывы
сливались в страшных переплётах.*

*Туда страна везла продукты,
обратно чуть живых детей,
на ёлки мандарины, фрукты,
чтоб сделать их чуть веселей.*

*Нельзя простить фашистских гадов,
в упор стреляющих в детей,
им всем лишь только Ад - награда,
достойная таких зверей.*

*Она питала жизнью город,
она, как связь с Большой Землёй,
Всем пережить давала голод,
не только телом - и душой.*

*Её солдаты днём и ночью,
не глядя на снарядов град,
и презирая стаю волчью,
спасали город Ленинград!*

*Ни ветра снежного заслоны,
ни мерзкий и коварный враг,
не стали в помощи препоны -
Святым для всех стал снежный тракт.*

*Как память подвига награда,
дорога всем нам дорога,
и за спасенье Ленинграда
Священной стала ЛАДОГА.*

70 -летию Победы посвящается!

*Июньским утром мерзкий вой снарядов
раздался в предрассветной тишине,
и толпы серые «фашистских гадов»
на Русь Святую поползли извне.*

*Снаряды с неба сыпались, как град.
В них гибли старики и женщины, и дети,
от безнаказанности враг был рад
тому, что не придётся им за зло ответить.*

*Дрожала русская земля от взрывов,
огонь охватывал поля, деревни,
страдала Русь от них, как от нарывов,
от осквернения святыней древних.*

*Застыла вся страна у репродукторов,
с тревогой вслушиваясь в голос Левитана,
призвавший всех, рабочих и конструкторов,
идти на бой за Родину с тираном.*

*Никто не знал: четыре долгих года
придётся биться на смерть за свободу,
здесь проявился дух советского народа
и дан был смертный бой уроду.*

*Страданья, что пришлось нам пережить,
другому никогда б мы не желали.
В боях солдаты умирали, чтоб дать жизнь,
всем - и родным и тем, кого не знали.*

*И сына, уходящего на бой из дома,
тайком, в слезах, крестила мать в дорогу,
дожить ему желая до разгрома -
и не возможно было скрыть её тревогу.*

*И бой дала Россия супостату,
ведь было так в истории не раз.
Злом не буди российского солдата -
он Русь избавит от любых зараз.*

*Он смело бил врага и днём и ночью,
шквал общего сопротивленья рос,
и гнали беспощадно «стаю волчью» -
не дали сбыться плану «Барбаросс».*

*За смерть детей, жён, стариков, невест,
пощады не было нигде врагу,
не зря боролся на смерть город Брест -
вся Русь была у крепости в долгу.*

*Земля горела под ногами «зверя»
везде - на фронте, даже в их тылу,
народ в свою Победу свято верил
и мстил за русских деревень золу.*

*А красный флаг над куполом Рейхстага
всем мощь Руси Великой показал -
не забывают цвета крови стяга -
он символ этот с честью доказал !*

*И помнить надо всем - не перепишешь
истории святой Руси развития,
лазеек мерзкому мышлению не сыщешь -
о прошлом ложного нельзя родить события.*

*Всё в будущем разложится по полкам
и будет ясная всему дана оценка,
оно не даст построить в кривотолках
Победе нашей лжи и фальши стенку.*

*Россия много раз уже парадом
на Красной площади честь павшим отдавала,
великим предкам, в качестве награды,
торжественно в ночи салютовала .*

*И в этот сложный год, в год юбилейный,
когда народ, как никогда един,
пройдёт по площадям Парад Победный
во славу наших ветеранов, их седин.*

ПРОЗА

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ - 2

Уважаемый читатель!

Знаменательно, что в год 60-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне из печати вышла еще одна книга о наших земляках-ветеранах.

Каждое повествование в ней – судьба достойная восхищения. Каждая страница – гимн подвигу, мужеству, силе духа человека, его величию и красоте.

Забота о ветеранах в Приозерском муниципальном образовании акция не разовая. Мы помним, чтим и с глубоким уважением относимся к героическому поколению отцов и дедов. Лучшее подтверждение тому – выход из печати этой книги, основное финансирование которой взяла на себя администрация муниципального образования.

Уже после выхода первого сборника Г. Хабибуллиной «Чтобы помнили», посвященного жителям блокадного Ленинграда, ныне живущим на Приозерской земле, новый импульс получила в районе работа по военно-патриотическому воспитанию молодежи. Ветеранов стали чаще приглашать в школы, рабочие и воинские коллективы. Эта «районная книга памяти» помогла всем, а особенно молодежи, глубже осознать такие понятия, как любовь к Родине, воинская честь, готовность отдать жизнь за пядь родной земли.

Книга, которую вы держите в руках сегодня – навсегда сохранит имена героев - приозерцев. А героями были все, кто пережил ту войну – дети, замерзающие в холодных питерских квартирах, матери, отдающие им последнюю крошку хлеба, солдаты, поднимающиеся в атаку. Все они – часть нашей истории, которую мы помним и чтим.

Глава муниципального образования
....Приозерский район Сергей Яхнюк

Галина Хабибуллина

ДЕВОЧКА ИЗ ФЗО

Валентина Алексеевна Борисова - старожил нашего города, хорошо помнит, каким был Кексгольм, почти сметённый в годы войны с лица земли. Обгорелые руины и пожарища обнажились весной 1946 года, когда по-настоящему началось восстановление города. Помнит, как много было в окрестностях города лисиц, лосей. Какое изобилие было в водоёмах диких уток, рыбы. Многое сохранила её память, поэтому так интересно с нею беседовать. Валентина Алексеевна заболела, и я пришла навестить её. В разговоре мы коснулись темы войны, блокады Ленинграда.

Она тяжело вздохнула, прямо посмотрела мне в глаза, её натруженные руки лежали на столе и слегка дрожали.

- Я понимаю, что люди, особенно молодёжь и дети должны знать о том, что нам пришлось пережить. Как мы всё выдержали, не сломились и победили.

Валентина Алексеевна родилась в 1927 году в семье, в которой было пять человек детей. Родители её родителей до революции были батраками у помещиков. А вот отец её Ерунов Алексей Фёдорович был грамотным человеком. В 1938 году окончил пожарное училище в Ленинграде. Жили они тогда в Красном Селе. Сначала его направили в Лугу, где он работал начальником пожарной охраны на железнодорожной

станции, но уже в конце года перевели в пожарную команду Варшавского вокзала. Как только получил квартиру на улице Камчатской, 16, перевёз туда свою семью. Валя училась в 359 школе, что на углу Тамбовской и Расстанной улиц.

- Мы со старшей сестрой Мусей были уже на каникулах и гостили у тётки в Красном Селе, когда объявили, что началась война. Тётя сразу же посадила меня в поезд и отправила домой. Муся заупрямилась, не хотела уезжать. «Ну и что, - говорила она, - немцы долго не продержатся!» И только когда засвистели снаряды и стали бомбить город, поезда перестали ходить, Муся добиралась до дома пешком. Пришла вся грязная и испуганная. У станции Лигово попала под обстрел, пряталась в подвале дома, где её чуть было, не засыпало землёй. «Немцы уже у Красного Села», - с порога выдохнула она. Надо сказать, наш отец не отличался верностью нашей маме.

За безответственное отношение к женщинам его отправили не в действующую армию, а в дисциплинарный батальон в Казахстан. Осталась мама с пятью детьми одна. Пришлось идти работать. Устроилась вольнонаёмной в военный гараж, он находился недалеко от нашего дома.

По карточкам в сентябре продукты купить было почти невозможно. Норма хлеба в течение осени сокращалась несколько раз. Мы с сестрой до наступления сильных морозов ходили пешком на Среднюю Рогатку, там, на полях собирали мёрзлую картошку,

капустные листья и листья брюквы. Поля обстреливались. Немцы стояли рядом, перестрелка с нашими позициями была постоянной. Не одни мы ползали по полям, пойми там, что за цель движется. Наберём что-нибудь, где пригнувшись, где ползком и бегом домой. Сердце колотится от страха, а что делать? Дома трое малышей есть просят.

Домик, что мы занимали, был небольшой, кирпичный, раньше здесь общественная прачечная была, а потом переоборудовали под жильё: две комнатки, кухня и небольшая прихожая. Отапливать дом было уже нечем. Надо было готовить пищу, обогреваться. Мама носила каждый день в противогазной сумке уголь из гаража. Когда его не хватало, Маша и я бежали на железную дорогу. Одна лезет под забор, руками хватает куски угля, складывает в хозяйственную сумку, другая караулит, чтобы вовремя сообщить, если заметят охранники. Мучительно хотелось, есть, ещё мучительнее было видеть, как от голода таяли дети.

Мы долго молчим. Валентина Алексеевна успокаивается немного и продолжает.

- Первым умер в конце декабря девятилетний Серёженька. Он никогда не плакал. Скажет: «хлебца хочется» и вздохнёт. Он лежал на кровати, глаза его, устремлённые в потолок, что-то рассматривали. По его иссохшему тельцу вдруг прошли судороги, братик прикрыл глаза, вытянулся и затих. Я смотрела на него и плакала. Потрогала ручку, а она уже холодная. Мама пришла с работы, и сразу поняв, что случилось,

заголосила. Рабочие гаража смастерили гробик. Похоронили Серёжу на Волковском кладбище.

Пятилетний Толик скончался в феврале. Встали утром, а он уже не дышит. Гробов тогда не делали, не из чего было. Каждая щепочка шла в печку. Завернули мы малышку в простынку и повезли на кладбище. Похоронили под берёзой возле церкви. Так горько было на душе. Вот и не услышим никогда, как он пел свою любимую песенку «В лесу родилась ёлочка».

Самый маленький, четырёхлетний Витюшка, дотянул до конца марта. И хотя уже прибавили норму хлеба и выдавали по карточкам, кроме хлеба другие продукты, цинга и дистрофия сделали своё дело. Топить печку было уже нечем. Едва хватало топлива растопить плиту, чтобы приготовить что-нибудь поесть или воды вскипятить. Уберём посуду и на тёплую ещё плиту укладываем малыша. Так во сне и умер. «Мама! У него щёчки розовые, может ещё жив?» - с надеждой воскликнула я. «Нет, это у него от цинги пятна», - тихо сказала она. Младшенького похоронили тоже возле церкви, но уже под большой сосной. Зашли в церковь, мама поставила свечку, помолилась за души усопших и, понурясь, пошла с нами домой.

Церковь на Волковском кладбище работала всю блокаду и после, там всегда были прихожане. Лики святых, свечи, голос батюшки успокаивали. «Проклятый Гитлер, проклятая война», - сказала вдруг мама, когда мы подошли к своему дому.

Вскоре Пелагея Ивановна ушла из гаража и стала работать в военно-восстановительном поезде. База его была на Ржевке. Но приходилось выезжать всюду, где надо было восстановить железнодорожный путь. Уложить новые шпалы, закрепить новые рельсы. Работа тяжёлая и всё время под огнём. Но у матери горел в сердце огонь мщения за своих мальчиков.

Мария поступила в ФЗО № 7 в Куйбышевском районе, училась малярному делу. Валентину сломали дистрофия и цинга. Всё тело покрылось синими пятнами, шатались зубы, а ещё донимал невыносимый зуд, началась экзема. Девочку положили в железнодорожную больницу, Боровая, 55(она и сейчас действует), вылечили. Давали пить настой из хвои, берёзовых почек. Поили соевым молоком и кефиром. Четыре месяца была на излечении.

- Как только выписали из больницы, стала учиться в ФЗО № 7, где уже училась Мария. Но я решила освоить специальность штукатура. Общежитие наше было на улице Некрасова, 40. Нас одевали, кормили в столовых. После четырёхмесячного обучения теории для прохождения практики нас прикрепили к строительному тресту № 16, что на канале Грибоедова. На восстановление разрушенных объектов ездили на трамвае, а жили в общежитии в Апраксином переулке, д. 3. По восемь девушек в каждой комнате. Сестра после окончания ФЗО выучилась на шофёра и возила какого – то начальника, потом пересела на грузовую машину.

Шёл 43-й год, была блокада, продолжались обстрелы, сбрасывались бомбы, а юные ребята восстанавливали город. Не прятались в бомбоубежище, они проходили практику, так говорит Валентина Алексеевна. По странной случайности второй раз в один и тот же объект ни снаряд, ни бомба не попадали.

Работали на фасадах домов и в квартирах. Восстанавливали музей имени Кирова на площади Революции. Отремонтировали, так называемый, бывший дом политкаторжан недалеко от татарской мечети. Во время войны в этом доме размещался госпиталь.

- Валентина Алексеевна, я слышала, что вы были ранены во время блокады. Как это случилось?

- Летом 43 –го это было. Соскучилась по маме и решила съездить на Ржевку, навестить её. На углу улиц Некрасова и Маяковского услышала свист снаряда. Он попал во 2-й этаж дома, там, где магазин. Потеряла сознание. Очнулась в бомбоубежище. Осколки попали в лицо и в ноги. Видел только один правый глаз, вся голова забинтована. На ногах тоже бинты: раны на голеньях. «Давай мы тебя в госпиталь отведём», - слышу чей-то голос. «Нет, нет, я к маме пойду». Встала и, как в тумане, вышла на улицу и отправилась, хромая на обе ноги, пешком на Ржевку. Ещё стреляли. В голове одна мысль: дойти бы...

Мама в это время была где-то на линии. Её подруга встретила меня: «Ой! Валька! Не плачь, девочка, больно, да? – Она принесла мне перловой каши в котелке, - Давай, подкрепишь!». Бинты промокли от крови.

Ныла голова, и невыносимо болели ноги. Мама, как увидела меня такую, ей плохо сделалось. Повела меня в вагон, уложила на свою постель. Пришла медсестра обработала и перевязала раны. Потом меня усадили в дрезину, довели до Финляндского вокзала и посадили в 19-й трамвай, попросили кондуктора высадить у Обводного канала. На другой трамвай пересаживаться не стала, пешком поплелась на Камчатскую. Сестра передела меня, накормила. Наутро я поехала в общежитие. Продолжала работать, но уже в помещении, до полного выздоровления. При общежитии была медсестра, вылечила меня. Следы от ран остались на ногах и вот над бровью левого глаза и под глазом.

- Как ещё у вас глаз остался цел, - сказала я сочувственно.

- Знаете, - продолжала Валентина Алексеевна, - мы работали тогда, как одержимые. На стройке устраивались стахановские вахты, и кроме благодарности за перевыполнение норм выработки, победителям выдавались премии, в основном, продуктами: американской консервированной колбасой или компотами. На рабочую карточку в то время ежедневно выдавали 750 г хлеба и по карточкам на месяц 300 г масла, 700 г сахарного песка, макароны, яичный порошок, манную крупу – по 200-300 г каждого продукта. Выдавали кусок хозяйственного мыла и 500 г кальцинированной соды для стирки. Блокада была прорвана в январе 43-го, так что продукты теперь поступали по железной дороге, голодная смерть нам уже не грозила.

В 44-м, когда объявили о снятии блокады, я работала на отделке фасада Дворца труда, была в подвешенной люльке. Вдруг слышу, внизу кричат: «Ура! Ура!» Думаю, спущусь пониже, узнаю, что случилось. Но попала петлёй за ручку и повисла на одном канате, потихоньку спустила 2-й канат. На радостях, что кончилась блокада, пошли в общежитие, вскипятили чаю, выложили на стол все свои припасы. Пели песни, какие помнили. Не верилось, что скоро конец войне. Что больше не будут стрелять по городу и бомбить его.

В день окончания войны я работала на отделке квартиры на Садовой улице, дом напротив церкви (потом там автовокзал сделали). Мы все ревели от радости. Бросили работу, ушли в общежитие. Весь город ликовал. Вечером ходили к Неве на салют. Душа пела!

В конце 45-го вернулся в свою пожарную часть отец. Его отправили служить в Кексгольм.

- Валька! На работу не ходи, со мной поедешь. Только получу жильё, вернусь за тобой. Я в тресте поговорил с нужными людьми, сиди дома пока.

У меня оборвалось сердце, а вдруг осудят, что не пошла на работу, но послушаться отца не могла. Он вскоре приехал и привёз меня в Кексгольм.

Валя устроилась бойцом-телефонистом в пожарную часть. Работала год. В 46-м приехала мать, она ждала ребёнка, родился мальчик. За ним надо было ухаживать. А тут повестка в суд пришла. За самовольный уход с работы дали девушке четыре месяца тюремного заключения и прямо из зала суда отправили

на Арсенальную , 11. Там тоже работала штукатуром на стройке. В камере народу было много, там она всего насмотрелась.

Вернулась в Приозерск и снова устроилась в пожарную часть на свою работу. Потом на лесозаводе работала 6 лет. Выучилась на станочника. Освоила ребровый станок, реечный и торцовую пилу. Перешла в АТП – 11 лет кондуктором была, трудилась 12 лет санитаркой в ЦРБ. Заработки небольшие, троих детей вырастила, хотелось к пенсии прибавку иметь, вот и искала, где побольше платят.

Но где бы ни работала Валентина Алексеевна, везде её труд был отмечен почётными грамотами, премиями. Хорошо трудилась, добросовестно. Как жаль, что не получила медаль «За оборону Ленинграда». Писала, сообщили, что документы по награждениям сгорели.

Сейчас Валентине Алексеевне под восемьдесят, но не стареет душой ветеран. Она член Совета общественной организации «Жители блокадного Ленинграда». Живёт в Заречной части города, и все блокадники, живущие в её районе, знают эту милую женщину, она их навещает, чем может, помогает, а главное тёплым словом, своим вниманием. У неё два внука и три внучки, недавно правнук присвоил ей звание прабабушка.

- Боюсь только одного, войны бы не было. Не дай Бог! – этими словами она закончила свой рассказ. Руки её так и лежали на столе и слегка дрожали от волнения.

Ноябрь 2004 года

НАТАЛИ

В апреле сорокового в семье Михайловых родилась девочка. Вася, которому шёл шестой год, ждал рождения мальчика и уже представлял, что в будущем они будут вместе с братом играть в дворовой футбольной команде. Расстроился, что родилась девочка. И хотя она родилась хорошенькой, со светлыми волосами, он огорчённо промолвил: «Я же говорил, что девчонка будет рыжей и противной...»

Родители, напротив, были счастливы. Всей семьёй девочку назвали Натали, Наталия. Вася же не скрывал своего недовольства и не подходил к ребёнку. Как-то родственница, что жила у них, в шутку сказала: «А ты выброси её, если не нравится». Брат открыл форточку, жили они на 4-м этаже. Мать, которая возилась на кухне, насторожила тишина в комнате. Когда она вошла, Натали лежала уже развёрнутая на краю кровати...Как страшный сон вспоминал Василий потом этот случай. Всю свою жизнь он обожал сестрёнку, помогал ей во всём.

Жили они недалеко от Московского вокзала, на Гончарной улице. Александр Васильевич окончил топографический техникум, но в 1939 году райком партии направил его в отдел соцобеспечения Володарского района. В июне сорокового по ложному доносу сотрудника отдела, его арестовали и осудили на три года. Срок он отбывал в Осиновце.

Мама Натали, София Фёдоровна, заканчивала в это время Ленинградский педагогический институт имени Покровского (был такой наряду с институтом имени Герцена). Хорошо, что с ними жила мать Софии – Агриппина Ильинична, волевая женщина, член партии с 1905 года. София Фёдоровна стала работать в школе, что у грузового моста Финляндского вокзала. Преподавала математику и физику. Об отце не было никаких вестей. Позднее её брат сообщил, что виделся с ним в сентябре сорок третьего. А потом Александр Васильевич пропал без вести в неравном бою с противником.

- Великая Отечественная война для нашей семьи, - рассказывает Наталия Александровна, - так же, как и для всего нашего народа, началась прекрасным июньским днём. Известие о ней застало нас на пути в ЦПКиО имени Кирова. Мне было всего один год и два месяца, и я, естественно, не могу помнить о жестоких днях блокады Ленинграда, но хорошо знаю об испытаниях, которые выпали на долю жителей города, по рассказам мамы и бабушки. Я как будто вижу себя со стороны: крошечную девочку, уже ходящую и умеющую говорить. Начинается воздушная тревога, я хватаю свой капор (шапочка, закрывающая уши), и тяну маму на улицу, в бомбоубежище. Или вижу братика Васю – семилетнего старичка, развешивающего на лабораторных весах, принесённых по его просьбе мамой из школы, хлебный паёк. Он делит пятьсот граммов хлеба на четыре равные части и строго следит, чтобы мама или бабушка не добавили ни крошечки к нашим порциям.

Передо мной мама – 27-летняя женщина, за несколько месяцев войны превратившаяся в шестидесятилетнюю старуху, бредущую пешком от Гончарной улицы к школе на дежурство, либо с Васенькой к проруби на Неве. Иногда на эти походы уходило четыре часа. А вот брат распиливает ножовкой стулья и другие предметы мебели для печки – «буржуйки», на которой кипятится вода для чая (изредка чай заваривается какой-то травой, чаще чай – это просто кипяток).

В конце октября в дом, в котором они жили, попала бомба, снесло перекрытие. Квартира была полностью разрушена. Пришлось скитаться по соседям, знакомым. Люди делились кровом и вниманием. В декабре начался голод. Крошка Натали перестала ходить и говорить. Она лежала под кучей одеял и только раскрывала рот. Беззвучно просила есть. Маленькое тельце сотрясалось от рыданий, но, ни звука, только слёзы катились по её пергаментным щёчкам в рот, она судорожно глотала их, а потом облизывала растрескавшиеся чёрные губы. Бабушка Агриппина тоже слегла, у неё началась водянка.

Кроме дежурства на крыше школы София Фёдоровна ездила на рытьё окопов и даже в самые трудные месяцы блокады сдавала кровь для раненых бойцов. Положенный ей, как донору паёк, приносила в семью. В феврале, когда она пришла в очередной раз в медпункт, силы оставили её, она упала в обморок. Софию привели в чувство и, хотя она не успела сдать кровь, ей выдали донорский паёк, но сказали, чтобы

больше не приходила, может умереть. За костюм мужа и своё вечернее платье она сумела выменять одну буханку хлеба. Других ценных вещей не было.

- Как мы выжили? Не знаю, но думаю, что перед своей мамой мы в неоплатном долгу. Только благодаря её самоотверженности мы дожили до августа 1942 года, когда нас вывезли из Ленинграда по Дороге Жизни через Ладожское озеро.

От Кобоны в товарном поезде их отправили на Урал. Выходили на одной из станций. При проверке документов выяснилось, что мама Натали – педагог. Их снова посадили в вагон. В Новосибирске София Фёдоровна получила назначение в Венгеровский район деревни Шипицыно, это на реке Тартас, на должность директора школы. Им выделили небольшой домик, состоявший из двух комнат, кухни и сеней. Сначала жили двумя семьями. Сестра мужа, которая эвакуировалась вместе с детьми одновременно с ними, получила хибарку позднее.

Натали стала ходить, только когда ей исполнилось три с половиной года. А говорить стала к четырём годам. Мама очень волновалась за судьбу девочки.

София Фёдоровна с головой ушла в работу. Директорство накладывало огромную ответственность на неокрепшую после голодного блокадного времени женщину, но она старалась изо всех сил. Кроме сельских детей, было много эвакуированных, а педагогов – специалистов не хватало. Поэтому мама Натали преподавала ещё физику и математику. Приглядывать

за девочкой приходилось больше Васе. Он был уже взрослый – восемь лет. Вася брал Натали на руки и выносил на улицу, усаживал в саночки и катал по скрипучему снегу. Всё лето сорок третьего он с упорством взрослого человека учил сестрёнку держаться на ногах, а потом ходить. Бабушка Агриппина и мама одолели молчание девочки, Натали заговорила.

Бабушка из Ленинграда привезла с собой старинный ридикюль с семейными фотографиями и документами, швейную машинку и ведёрный самовар. По приезду в деревню она стала помогать сельскому совету, просто не могла жить без людей, стала стержнем общественной работы среди населения. Кроме того, Агриппина Ильинична обшивала, можно сказать, всю деревню. Любила потчевать людей чаем, заваренным липовым цветом и мятой. Вести нескончаемые беседы у самовара.

Война окончилась, так хотелось домой. Друзья Софии Фёдоровны несколько раз присылали ей вызов, разрешающий выехать в Ленинград, но председатель районо рвал документы и не отпускал такого нужного для района человека. Только в августе сорок шестого, когда друзья вновь прислали вызов, София Фёдоровна проявила характер: «Что хотите, делайте со мной, но я завтра же выезжаю в Ленинград!». Разрешение на выезд она получила только в октябре. Провожало их всё многонациональное население деревни. Здесь жили русские, татары, немцы, латыши и другие, жили дружно. Они всем сердцем привязались к директору

школы, отдававшей все знания и душу их детям. Со слезами на глазах прощались с Агриппиной Ильиничной, ставшей для них родным человеком.

- Бабушка подарила свой самовар одной из женщин, чтобы возле него собирались соседи и вспоминали нас добрым словом.

Приехали в Ленинград, а жить негде. Вызов то был неофициальный, не от учреждения, а от друзей. Друг отца, что помог им выбраться из Новосибирской области, взял в свою семью маленькую Натали, устроил её в детсад. Мама с Васенькой жили у брата этого друга, на первое время он отдал ей свою продовольственную карточку. Хуже всех было бабушке. Она жила то у одних, то у других знакомых. Время было тяжёлое, обременять людей она стеснялась. Иногда ночевала на вокзале или, если не закроют, то в тёплом подъезде, - вспоминает Наталия Александровна.

Идёт как – то Агриппина Ильинична по улице, холодно, ноги совсем замёрзли. И хотя она была атеисткой, вдруг помянула Господа Бога. «Господи! – подумала она. – Если Ты есть, помоги, нет уже моего терпения!» И вдруг возле неё останавливается машина, вынырнувшая из-за здания Большого Дома.

- Мать, это Вы? – Матерью её называли до войны те, кому она давала рекомендации в партию.

- Я, - растерянно ответила женщина. – Садитесь скорее в машину.

Несколько часов ездили они по городу, а она всё рассказывала и рассказывала...

- Приходите в два часа дня завтра в жилотдел Невского района, постараемся помочь вашей семье...

Она пришла в назначенный час. Ей предложили двухкомнатную квартиру, в которой живут люди, но их переселят, сказали ей.

- Нет, я не могу пойти на это, - сказала Агриппина Ильинична.

Наконец, семья Михайловых воссоединилась. Им дали две комнаты в коммунальной квартире на 5-й Советской улице недалеко от Дегтярного переулка. София Фёдоровна вскоре родила девочку. С отцом ребёнка она рассталась, так как он не хотел признавать её детей. Шёл февраль сорок седьмого года.

Тридцать лет, с сорок седьмого года до пенсии, трудилась мама Натали завучем в ремесленном училище при заводе имени Ленина. Чтобы её дети могли учиться, нормально питаться и одеваться, она вела уроки математики и физики в вечерней школе и в школе умственно отсталых детей.

Натали пошла учиться в школу в 1947, а в 1957 поступила в Ленинградский сельскохозяйственный институт. Работала зоотехником в районе Лодейного Поля. Потом зоотехником по кормлению животных в Ленинградском зоопарке, 15 лет начальником смены на комбикормовом заводе, 10 лет до пенсии диспетчером на цементном элеваторе.

Брат окончил с отличием Северо-Западный политехнический институт, отделение кибернетики. Много лет работал в комиссии по приёму военно-морских

судов в эксплуатацию. В 1996 году возвращался с избирательного участка, где был членом комиссии по выборам президента. На пути к дому на троллейбусной остановке на него напали трое грабителей от 14 до 18 лет. Он был ограблен и зверски убит.

Младшая сестра окончила политехнический институт по специальности электроник, до пенсии работала в Ленэнерго. Как и хотела София Фёдоровна, все её дети получили высшее образование.

А как же их бабушка, Агриппина Ильинична? Она бессменно после войны до 1974 года была депутатом городского Совета. В шестидесятых годах на экранах прошёл документальный фильм «Женщины России», отснятый известным документалистом Учителем. В фильме был сюжет о Кругловой Агриппине Ильиничне, у которой дочь – учитель, а внучка студентка. Натали тоже показали на экране.

Она вырастила дочь и сына. Внуки любят свою бабушку Натали, их у неё четверо. Самая младшенькая живёт с нею в п.Раздолье. Крошке 1.5 года.

- Я устала от города. Очень люблю природу. В восхищении от Приозерского края. Замечательный край и люди хорошие. Не живу, а блаженствую здесь, - такими словами закончила свой рассказ Наталия Александровна Репина и добавила:

- Так хочется, чтобы у людей было много счастья. Чтобы никогда дети не знали слова – война, страдание, голод.

Ноябрь 2004 года

ТЫ БУДЕШЬ ЖИТЬ ДОЛГО, ТОЛЬКО НЕ ЛЕНИСЬ

Иногда в народе говорят: в душу человека не влезешь. А зачем в неё влезать? Понять её надо, тогда она сама тебе откроется. Встречаясь с людьми земли Приозерской, я вижу их душу в глазах, в голосе, поступках. Проникаюсь их радостью и болью. Они становятся уже частью моей души, потому что вместе с ними я проживаю их жизни, их судьбы.

К Леокадии Николаевне Спиридоновой, в посёлок Мичуринское, я приехала в самую трудную для неё минуту, она провожала в последний путь любимого человека после пятидесяти пяти лет совместной жизни. В её глазах стояла боль...Мы договорились встретиться позднее.

Леокадия, какое красивое имя. Оказывается, её папа, Николай Иванович Маевский, назвал свою дочь в честь любимой женщины, своей жены Леокадии Осиповны. Маевские были коренными петербуржцами – ленинградцами. Шестеро детей родили в любви. К сожалению, от детских болезней, трое их них умерли ещё до войны. Леокадия была младшей в семье. Росла она девочкой любознательной и трудолюбивой, в семь лет пошла учиться в школу. Придёт с братом Володей в его класс, сядет за парту и тихонько сидит, слушает, о чём говорит учитель.

- Однажды классный руководитель Тимофей Матвеевич сказал мне: вот что, девочка, иди к директору

и проси, чтобы тебя приняли в школу. Ничего не сказав родителям, я пришла в кабинет директора. Это был первый в моей жизни самостоятельный поступок. Директор школы, Раиса Ильинична, устроила мне экзамен. Попросила меня рассказать, что я знаю из школьной программы. Я прочла своё любимое стихотворение А.С.Пушкина «У Лукоморья дуб зелёный». Наизусть произнесла таблицу умножения, и бойко прочла рассказ из книги, которую она мне подала. Директор выслушала всё и говорит: «Ну, что же, будем оформлять тебя сразу во второй класс». Перед войной я успела закончить пять классов. В нашей квартире за стеной жила старушка. Она похвалила меня за старание в учёбе и сказала: «Молодец, будешь жить долго, только не ленись!» Эти слова глубоко запали мне в душу, в своей жизни я всегда руководствовалась ими.

Война. Можно сказать, я пережила две войны, сначала финскую – четырёхмесячную, а потом войну с фашистской Германией, которая длилась четыре года. Как и во время финской, мы заклеили окна чёрной бумагой, чтобы свет не проникал на улицу. Покрасили электролампочки в синий цвет. С первых же дней войны много молодёжи добровольцами ушли на фронт, вместе с ними ушли мои старшие братья Николай и Владимир. Уже в ноябре 1942 года получили извещение об их гибели, а они были такими молодыми...

Маевские жили в Володарском (Невском) районе, в одном из рабочих районов города. С первых дней

блокады район подвергался массированным бомбардировкам и обстрелам. Немцы бомбили заводы им. Ворошилова, ГОМЗ, Картонную фабрику и завод «Большевик», на котором работали родители Леокадии, папа токарем, а мама – машинистом в механическом цехе.

- Мы жили совсем рядом от завода, поэтому решили выкопать недалеко от дома землянку, чтобы, в случае чего, не оказаться под обломками. В землянке было холодно и сыро, прятались в ней только по ночам, нам казалось, что здесь безопаснее. Родители работали по двенадцать и более часов в сутки. Я оставалась дома одна. Ходила за водой на Неву, стояла в очередях за хлебом, норма которого всё уменьшалась, и в конце ноября для рабочих она составляла 250 граммов в сутки, а мне, как ребёнку всего полагалось 125 граммов, других продуктов в магазинах уже не было.

Мы съели весь запас столярного клея, вазелин из аптечки, корни георгина, они оказались такими сладкими и вкусными. От постоянного, принижающего до костей холода и голода, моя голова покрылась гноем, волосы отпадали прядями. Папа отрезал мои косы, чтобы было легче переносить боли, которые причиняли гнойные лепёшки. Из-за холода я спала в одной постели с родителями, прижимались теснее друг к другу, так было теплее.

В середине января 1942 года папа заболел крупозным воспалением лёгких и слабел с каждым днём. 30 января, когда мама пришла с ночной смены, он лежал

рядом со мной уже мёртвый. Страх перед мертвецами у меня не было, насмотрелась за месяцы блокады. Мы завернули его в простынь, перевязали верёвкой, положили на санки, повезли на кладбище им. 9-го января и похоронили в общей могиле.

Мороз стоял 37 градусов, как мы дошли до дома – не помню. На моём лице и на всей одежде был иней. Мама долго растирала мои заледеневшие ноги. Сама она еле держалась, ей свело рот, а язык не повиновался, что-то говорила мне с трудом, но я ничего не могла понять. Мы легли в кровать и прижались друг к другу, её лицо было мокрое от слёз, тело вздрагивало. Согревшись, мы уснули. Утром она поцеловала меня в лоб и ушла на работу.

Ночью мимо нас проходили обозы и также ночью шли обратно. Рано утром я выскакивала на улицу и подбирала «кучки», что оставляли лошади на снегу. Промывала их водой, а то, что оставалось на дне кастрюльки, ставила варить на буржуйку. Лошадей кормили чистым овсом и дурандой, поэтому их «кучки» были пышные, аппетитные и нам доставалось «диетическое питание». Несмотря на такую «поддержку», у меня началась дистрофия. По маминой просьбе нас прикрепили к заводской столовой, где один раз в сутки выдавали стакан соевого молока, ложку соевых бобов и ложку шрот из сои. А тут и травка пошла – спасительница наша.

Весной сорок третьего Леокадия взяла извещение о гибели братьев и пошла на биржутруда, она находилась

на площади Труда. Там ей без слов дали направление в райпищеторг. Девочке только исполнилось четырнадцать лет. Работать на основной работе долго не пришлось. Молодёжь отправили на строительство оборонных сооружений в посёлок Рыбацкое, станция Антропшино, потом на территорию бывшей немецкой колонии у 5-ГЭС.

Однажды во время работы над территорией появился вражеский самолёт и на бреющем полёте стал расстреливать ребят. Все побежали врассыпную. Лёкадию ранило, рана оказалась касательной, сорвало кусок кожи, но заживало долго, ослабленный организм с трудом справлялся, простая царапина не заживала, а тут...

Поступил приказ ломать деревянные дома, городу нужны были дрова. И здесь досталось девочке, работала наравне со взрослыми, особенно тяжело было таскать брёвна. Но молчала, стиснув зубы, раз надо, значит надо – такой был девиз молодёжи военного времени. Это уже с возрастом сказалось на здоровье, но тогда об этом не думали.

- Наш жактовский дом тоже пошёл на слом. Его ломали красноармейцы, вещи выбрасывали из окон. Мы с мамой подбирали их и складывали в общественной прачечной, там и ночевали. Обещали, что прачечную будут ломать дня через три. Определили новое жильё – общежитие медицинского института. Только переехали, как в Мытнинские бани попала бомба. От взрыва фугаски в нашем доме вылетели двери и

окна. Дверь удалось кое-как поставить на место, а вот окна затыкали, чем попало: фанерой, тряпками. До 48 года жили без дневного света. У соседей выпросили буржуйку, она была у них лишней. Нечем было топить, стали жечь вещи, комнатка была 12 метров, было терпимо.

- Хорошо помню день, когда сняли блокаду Ленинграда. Мы работали на проспекте Обуховской обороны, разбирали дома. Такое было ликование. Мы сбились в кучу, обнимались, кричали: «Ура!» Плакали, размазывая слёзы по грязным от пыли щекам... Потом пришла Победа, радостно было оттого, что победили мы! Гордость распирала грудь, и выступали слёзы от боли утрат...

В 1947 году Леокадия устроилась на прядильно-ниточный комбинат им. С.М.Кирова, училась в ФЗО на тростильщицу, посещала вечернюю школу. От трудовых резервов была участницей первого после войны Всесоюзного парада физкультурников в Москве. Готовясь к параду, жили возле Кремля, Осипенко, 6. Навсегда запомнила Леокадия этот праздник души, когда она вместе со всею молодёжью в белой шёлковой блузочке и в пышной синей юбочке, такая была парадная одежда у девушек, в общем порыве, выполняя физкультурные упражнения, прошла по Красной площади мимо Мавзолея и трибун с правительством и гостями столицы.

В 1949 году пришла любовь. Любовь удивительная, романтическая.

- Пришла я в гости в марте на день рождения жены маминого брата. Открывается дверь и входит племянник её. Он тогда служил в Польше. Приехал в отпуск. Так вот, увидев меня, он онемел, слова вымолвить не мог, так понравилась. На второй день пригласил в театр, а на третий пошёл провожать, поздно было возвращаться домой. В марте встретились, а в июне поженились. Пошли на прогулку, идём по Староневскому проспекту. Вывеска ЗАГС, пойдём, говорит, посмотрим, как там. Заходим: большой зал, за столом сидит женщина, увидев нас, она поднялась и попросила подойти. Подала бланки – заполняйте. Я растерялась. А Борис подаёт свое удостоверение, мои данные записали в бланк со слов. Обязательный срок до регистрации был десять дней, он упробил зарегистрировать через неделю, так как заканчивался его отпуск.

Самое поразительное было то, что мы учились ранее в одной школе, в параллельных классах, но были незнакомы, даже не знали друг друга. К тётке я приходила часто, дружила с её дочерью, и он к ней часто приходил, но никогда до этого не встречались. Расставаясь, сказал: «Потерпи немного, я попрошу перевод в Советский Союз. Так и сделал. И мы поехали в Армянскую ССР, жили в селе Карамамед, у г. Ленинакана, на границе с Турцией, четыре ряда колючей проволоки. Это была для меня вторая блокада. Укрепрайон, пыль, камни, песок, змеи, скорпионы, вода привозная. В 1950 году родился сын.

Домой вернулись 19 июля 1953 года, а в ноябре родилась дочь. В 1955 году устроилась в Ленинградское центральное проектно-конструкторское бюро ММФ, а в 1968 перешла работать в НИИ Трансмаш Министерства обороны.

Леокадия всегда любила работу, людей, с которыми общалась. Как человек деятельный, она всегда была в гуще событий: вела общественно-массовый сектор в местком, активно распространяла периодическую печать, была кассиром в кассе взаимопомощи, принимала активное участие в создании памятника героическим защитникам Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. А скольким людям она помогла, сдавая безвозмездно свою кровь, она имеет звание «Почётный донор СССР». За работу в годы войны награждена медалью «За оборону Ленинграда», у неё много наград и поощрений. Но была у неё ещё живая награда – её муж, беззаветно любящий её, который всегда хотел, чтобы его ненаглядная была рядом с ним. Но он ушёл, ушёл навсегда. А за ним ушли в течение шести месяцев их дети. Дочь, скорострительно скончалась после смерти отца, а сын следом за нею трагически погиб.

Разве можно измерить горе матери, в мирное время потерять за такой короткий срок троих... Услышав эту печальную историю из уст Леокадии Николаевны, я долго не могла придти в себя, потом, после слов соболезнования, напомнила ей слова старушки – соседки. Слышу, как успокаивается на другом конце

провода моя героиня. Да, да, говорит она, у меня две внучки и ещё десятилетний правнучек, Сашенька. Я не буду лениться, буду помогать ему стать человеком. Мы часто разговариваем с Леокадией Николаевной по телефону, и я чувствую, что эта сильная духом женщина, справится с заданием, которое поставила перед собой, и будет жить долго. Дай ей, Господь, такую возможность.

Декабрь 2004 года

ДОРОГА ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Когда мы вышли на катере в Ладогу, чтобы возложить цветы в память о погибших в её водах жителей блокадного Ленинграда при переправе на Большую землю, Анна Семёновна, стоявшая со мной рядом, вдруг покачнулась и крепко сжала мне руку. На лице её отразилось страдание. Венки плавно легли на поверхность воды и поплыли в сияющую даль.

- Что с Вами? – спросила я Анну Семёновну.

- Потом, потом, - ответила она.

Накануне 60-летия полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады я встретилась с Анной Семёновной Корниловой у неё дома. Сколько людей, столько и судеб, не похожих и в чём-то похожих одна на другую.

Аня родилась в Калининской, ныне Тверской области, в 1934 году, в День Красной Армии, но с раннего детства жила в Ленинграде на Васильевском острове.

Папа работал извозчиком на стройке, а мама - маляром на Балтийском заводе. Когда началась война, папа сразу ушёл на фронт и вскоре пропал без вести. Мама осталась одна с тремя детьми. Младшего брата, которому едва исполнилось два года, отправили с детскими яслями в тыл, но эшелон с детьми немцы разбомбили, несколько вагонов сгорели, а оставшихся в живых детей унесли в лес. Сообщили родителям. Мама поехала искать братика, нашла его и принесла домой, но он после перенесённого стресса и ночёвки в лесу заболел крупозным воспалением лёгких и через полтора месяца скончался.

Аня с сестрёнкой ходили в детский сад. Здесь, во дворе, было устроено убежище в виде погреба, в помещении стояли скамейки. Во время воздушной тревоги ребятишки бежали туда и жались испуганно к своим воспитателям. Те успокаивали их, читали рассказы и сказки. 8 сентября, в первый день блокады, мама дежурила на крыше дома. Когда она после отбоя тревоги вошла в комнату, девочки её не узнали: лицо было в копоти, глаза воспалённые, красные и какой-то чужой, хриплый голос, руки её дрожали...

Когда участились обстрелы, девочки перестали посещать детский сад. Как старшая, Аня с тремя котелками, поставленными друг на друга, прижимаясь к стенкам домов, во время отбоя, бегала в детсад (карточки были там). Ей наливали жиденький супчик, по ложечке каши из горохового концентрата и светленький чай.

- Однажды, когда меня не было дома, - рассказывает Анна Семёновна, - фугасная бомба упала буквально рядом с нашим домом. Вылетели рамы с окон, и в комнате сорвало дверь с петель. Сестра Маша в это время спала, укрытая тёплым одеялом. Когда мама вошла, то увидела, что всё в комнате усыпано осколками стёкол, в том числе и одеяло, под которым, скорчившись от страха, боясь пошевелиться, лежала сестра. После этого случая у неё стал сильно косить один глаз. Только в 16 лет Маше сделали операцию, и косоглазие стало менее заметно.

Семью переселили в другой флигель. За ним был гараж, в котором открыли столовую, туда они сдали свои продовольственные карточки. Однажды у матери, прямо в столовой, какой-то мужчина вырвал из рук хлеб и, запихивая его в рот, убежал.

- Ешьте суп без хлеба, - придя домой сказала мама. Человека этого она не ругала, видимо пожалела.

Бабушка умерла в конце февраля 1942 года. Мы завернули её в простыню, а затем в одеяло, перевязали верёвками и отвезли на саночках в здание рынка, место сбора умерших. В этом месте сейчас выстроена гостиница. Положили её сверху штабеля человеческих тел. Слёз не было. Что-то внутри замёрзло...

В июле 1942 года их эвакуировали через Ладогу на военном судне. Из трёх кораблей, шедших к противоположному берегу, на плаву остался только тот, на котором была семья Анны.

- Прошло столько лет, но я не могу забыть той переправы, людей, которые гибли на моих глазах, - с болью в голосе говорит Анна Семёновна. – Так и стоит картина перед глазами: вот мать, захлёбываясь, одной рукой старается приподнять над водой своего ребёнка, надеясь на чудо, рядом мужчина поддерживает женщину, а голову её уже скрыла вода, тонущих так много... Крики о помощи, стоны, руки, головы, пузыри на воде, мазут, доски, хлам. Но кто поможет этим несчастным, если солдаты из зенитки, установленной на палубе, едва успевают отбиваться от двух бомбардировщиков. Бомбы падают рядом с судном, падают на просящих помощи людей... С тех пор я боюсь Ладоги. Думала, что это чувство прошло, но нет. Мама говорила, что икона Божьей Матери спасла нас от неминуемой гибели, она была вместе с документами у неё в сумочке, которую мама не выпускала из рук. Может и так...

Эвакуированных людей, переживших весь этот ужас, везли потом на поезде, затем на пароходе по Волге. Высадили в Сталинградской области, в деревне Кошеновка. Мать устроилась на молокозавод. Бригадир, с которой она работала, как только немцев отогнали с Украины, уговорила поехать к ней на родину в Донецкую область, но в пути заболела и умерла. А семья Ани добралась до места. Мать Ани устроилась работать на железную дорогу, чтобы получить семейный билет до Ленинграда. Приехали в Ленинград осенью 1944 года. Жилья не найти. Работа нашлась в милиции. Там и комнатку дали.

Девочка не сидела дома. Продавщица соседней булочной попросила помочь наклеивать в тетрадку для отчёта талоны на хлеб, за что в конце дня давала кусок хлеба. Работники милиции жалели девочек, то крупы принесут немного, то макарон. Пошла Аннушка учиться в школу переростков, затем в ремесленное училище. Удалось закончить только 6 классов. До 1952 года работала на Балтийском заводе токарем. И года не проработала, как её фамилия появилась на Доске Почёта завода. Выполняла всякую работу и в нерабочее время: за техничку, за дежурного и пр.

В 1950 году познакомилась Аня с будущим своим мужем Василием, он работал трактористом в Гавани. Познакомились у Аниной подруги, жених которой купил гармонь и вместе с другом пришёл к невесте. Васе Аня сразу приглянулась, а ей он показался намного старше, чем ей хотелось бы иметь друга, но встречаться стали. Однажды шли мимо трамвайного парка, а навстречу пожилой мужчина. Посмотрел на них и вдруг сказал: «Дочка, счастливо будешь жить с этим молодым человеком!» и пошёл дальше. Через два месяца они поженились и уехали к его матери в г.Горький. 12 лет жили в любви и согласии. В 1966 году случилась беда. Поехал Василий на рыбалку, отдыхал после смены. В пути колесо мотоцикла попало в какую-то ямку в асфальте, и он перевернулся.

- Я была на работе, друг мужа приехал за мной на своём мотоцикле, я села позади него. Душа рвалась от боли: как там Вася, жив ли? Увидев его на дороге,

я соскочила с сиденья на ходу, даже обожгла ногу о выхлопную трубу. Муж был ещё жив, в реанимации больницы дожил до утра.

Аня забрала своих дочерей и приехала к матери в Ленинград, но её с детьми в Ленинграде не прописали. Пришлось Аннушке уехать к родственникам в Приозерск. Работала в СУ-215, затем в ПМК-151, сначала подсобницей стропальщика, затем выучилась на каменщика. Работа ей нравилась, она старалась. Бывшие сослуживцы отзываются о ней, как о большой труженице. И характер спокойный, отзывчивый. Тридцать поощрений в её трудовой книжке. Бывает, идёт по городу и рассматривает дома, построенные из кирпича, ищет: «Вот это моя кладка, а эта – нет». И таких домов, в которые вложены не только труд, но и душа этой милой женщины, в городе много. Значит, жизнь прожита не зря.

Январь 2004 г.

ВОСПИТАНИЦА НЕМЕЦКОГО ДЕТСКОГО «ПРИЮТА»

Неожиданный звонок незнакомой женщины взволновал меня. – У моей соседки, сказала она, – очень тяжёлая, связанная с войной судьба. Не могли бы вы найти время навестить её и, может быть, помочь? Конечно, – ответила я, и на другой день разговор состоялся. Трудный, требующий большого нервного напряжения, разговор. Прошло шестьдесят лет

после окончания войны, но интерес к ней не ослабевает, и любое новое свидетельство привлекает к себе внимание.

Екатерина Васильевна Шитикова оказалась очень милой женщиной. Весь её облик, домашний, тёплый, располагал к себе. Род её идёт из старинного города Новая Ладога. Сама она родилась в городе Шлиссельбурге (Петрокрепости), после захвата, которого немцами 8-го сентября 1941 года, началась блокада Ленинграда. Её отец, Быстров Василий Павлович, был тяжело ранен во время войны с Финляндией. Инвалид первой группы, он очень страдал от своей беспомощности, узнав, что началась война с Германией. Умер Василий Павлович, когда под Шлиссельбургом шли жаркие бои.

- Соседи сколотили гроб, и небольшая группа родных и друзей двинулась в сторону кладбища, где расположилась наша воинская часть. В то время, когда шла скорбная процессия, началась бомбёжка. Не возвращаться же с гробом домой. Мы бежали, ложились и снова бежали. По врагу били зенитки, под этот грохот, как под салют, мы похоронили папу. Когда возвращались домой, начался артиллерийский обстрел, и мы снова ложились, ползли, прятались в воронках. На похороны папы из Ленинграда приезжала его сестра, тётя Наташа. Только вошли в дом, как она вдруг говорит маме: «Поля, ты забыла развязать Васе ноги, это большой грех. Помяни моё слово, он скоро позовёт тебя за собой», - и обе заплакали.

Старший брат Кати, Валентин, на похоронах не был. Он учился в Стрельне, и с первых дней войны добровольцем ушёл на фронт. Второй брат, Михаил, был на шесть лет старше сестры, учился в ремесленном училище в Шлиссельбурге, а мама работала на мануфактурной фабрике, что была напротив их 2-х этажного деревянного дома. Седьмого сентября мама попросила Катю сходить за молоком. Хозяйки дома не оказалось. С пустым бидончиком и тремя рублями, зажатыми в руке, девочка подошла к дому. Начался артиллерийский обстрел. Пелагея Михайловна схватила дочку за руку и побежала прятаться в общественную прачечную, которая уже была полна людей. Снаряд разорвался прямо у стены прачечной.

- Я была, как в тумане, ничего не соображала. Все кричали, плакали, куда-то пропала мама. Незнакомая женщина потащила меня прочь, как только мне удалось выбраться из - под груды кирпичей. Она привела меня к себе домой, хотела отряхнуть от пыли и умыть, а я таращила на неё глаза и продолжала крепко держать в руках бидончик и деньги. «Твоя мама погибла, - сказала женщина тихо, - оставайся у меня». Я не понимала, что значит - погибла, и убежала искать маму. У разрушенной прачечной стоял народ: «женщина и двое мужчин мертвы, есть раненые», - как сквозь вату слышала я голоса. К убитым меня не подпустили, другая женщина увела меня к себе. На другой день в город вошли немцы. Куда-то пропал Миша. Потом нашёл меня, сказал, что прячется от немцев, боится, что

угонят, как других ребят, в Германию. Он несколько дней почти ничего не ел. Его лицо было распухшее от бессонницы и переживаний.

Их дом был пока цел. Катя собрала немного съестного, что оставалось в доме, и отнесла брату. Потом стала ходить по городу и просить милостыню. Иногда она подходила к немцам – поварам. Они казались ей не такими страшными, как другие. Они наливали ей в бидончик суп или кофе, спрашивали: «где муттор, мама?» «Немцы убили» – отвечала девочка и уходила, а они опускали глаза или смотрели куда-то в сторону. На одной из встреч брат сказал, что их мать и двоих мужчин, погибших у прачечной, положили вместе в большой ящик и похоронили в яме, которая образовалась от разорвавшегося снаряда. Сверху могилки установили три небольших креста.

Покинув укрытие, он повёл сестру к могиле, но началась воздушная тревога. Ребята кинулись на стадион, он был вблизи от дома, там был отрыт окопчик, прыгнули в него. Здесь было уже тесно от людей. Вдруг все увидели, как прямо на них катит немецкий танк с крестами по бокам башни. Гусеницы танка громко лязгали, и весь вид надвигающейся машины вызывал такой ужас, что все находящиеся в окопчике, чтобы не быть раздавленными заживо, кинулись врассыпную в ближайший лесок. Катя, как безумная, бегала между деревьями и кустами. Она опять ничего не понимала, болела голова, хотелось пить... Миша снова исчез.

Катю приютила одинокая женщина, сказала, что вдвоём им будет легче жить. Иногда за водой приходилось ходить Кате. Она бежала к Неве, набирала воду и бегом возвращалась домой, так как почти беспрерывно через голову летели снаряды, то немецкие, то наши с противоположного берега. Она разливала воду, разбивала колени, вновь спускалась к реке, испытывая постоянный страх быть убитой.

- Как я выжила тогда, не знаю, вспоминаю то время, как кошмарный сон. Спасибо тем русским женщинам, что по очереди брали меня к себе.

В начале сентября 1942 года по приказу коменданта г.Шлиссельбурга всех оставшихся в живых детей собрали, посадили в грузовики и объяснили, что теперь они будут жить в немецком детском приюте.

Нас повезли в Вырицу, на каждые пять детей для присмотра посадили женщину. В пути они отобрали наши пайки, что были выданы на дорогу, и некоторые вещи, что мы взяли с собой. Как только мы прибыли к месту назначения, все эти женщины исчезли, больше мы их не встречали. Нас, детей, около шестидесяти человек разных возрастов, разместили в деревянных домиках. Недалеко стоял двухэтажный дом, какие-то постройки. Вокруг был высокий забор, обтянутый колючей проволокой...

Екатерина Васильевна замолчала, собираясь с мыслями, потом стала говорить, но уже отрывками, чувствовалось какое-то напряжение, она не могла связно говорить о жизни в приюте. Каждое слово мне

приходилось буквально вытягивать из неё. Поняла, что именно в этом периоде у неё провал в памяти, отчего бы это? Тут что-то не так.

- Все воспитательницы были у нас русские, они не обижали нас. А вот старшая была злющая, она заведовала хозяйством. Еды нам не хватало, постоянно хотелось есть. Даже песенку сочинили про раздатчицу Тамару, слов вспомнить не могу. Однажды мы выдернули куст картошки, чтобы поесть, так старшая сказала об этом немцу-охраннику, который ходил с плёткой. Он загнал нас в бункер, где было холодно, грязно и крысы бегали прямо по ногам.

- А школа была у вас, чему вас учили?

- Нет, мы не учились. Летом мы пололи грядки, поливали, ухаживали за парниками, мыли полы, чистили хлев и туалеты. Зимой тоже всё делали, куда пошлют. Ослушаться было нельзя, два немца следили за нами и били непослушных плёткой. Недалеко от нас была церковь, иногда нас туда водили. Приходили даже немцы молиться на иконы.

- Что вы, Екатерина Васильевна, немцы не могли ходить в церковь, они другой веры.

- Ходили, ходили, я это хорошо помню. К нам иногда батюшка приходил и учил молиться перед обедом и после него. Вместе с воспитательницами летом мы заготавливали ягоды и грибы в лесу, но нам их не давали есть, что успеем в рот положить в лесу, то и ладно. Однажды встретили в лесу троих партизан. Они позвали: «девочки, не бойтесь, подойдите, мы свои»,

но женщины тут же увели нас прочь. Мы никому не рассказывали об этой встрече, промолчали и воспитательницы.

Никакой одежды нам не выдавали. В чём были, то и носили. Постираем всё с себя и опять натянем на тело. Обувь была изношена так, что перевязывали верёвками или тряпками, чтобы можно было носить. Зимой 1943 года начался тиф. Больных детей уносили, больше мы их не видели. Слышала, что немцы хотели всех нас сжечь. Всё уже было приготовлено для этого, но не сожгли. Болезнь остановилась, видимо батюшка молился на нас, остались живы.

- Дорогая моя, Екатерина Васильевна, из всего, что вы мне рассказали, видно, что не в приюте вы были, а в детском концлагере. Расскажите, как вас освободили и когда?

- Зимой 1944, числа не помню. На станции шёл бой. Снаряды перелетали через нас, но ни одна постройка не пострадала. Немцы сбежали из посёлка. Мы смотрели из-за забора в сторону леса, как вдруг увидели лыжников в белых халатах, они приближались к нам. Сердце колотилось, неужели наши? Один из них крикнул: « Немцы есть в селе?»

«Они убежали!» - кричали мы радостно все вместе. Бойцы подошли к нам и стали угощать белым хлебом и сахаром. Дня через два, сказали они, вас отвезут в Ленинград. И вот мы в Ленинграде. Нас приняли в детдом, который находился в большом полуразрушенном здании. Торцом он выходил на Летний

сад. Нам сделали санобработку. Головы побрили, вшей было много. Грязную одежду и обувь сожгли в печке. Одели нас, как кукол. Прежде я не носила такой красивой одежды. Нас хорошо кормили, заботились о каждом. Воспитательницы жалели нас, окружили материнской заботой, водили на прогулки. Знаете, а бидончик и три рубля, как память о маме, я долго хранила. Осенью строем пошли в школу.

Мне было уже двенадцать лет, а пошла во второй класс, неловко было среди малышей. Вспомнила, что у меня в Новой Ладогe бабушка по материнской линии. Написала письмо в горсовет, что живёт в вашем городе Александра, имени вспомнить не могу, я её внучка из Шлиссельбурга. Когда бабушку вызвали в горсовет и сообщили об этом, она упала в обморок, так как думала, что я погибла. Она с радостью приняла меня. От неё узнала, что старший брат погиб на фронте, а Миша сначала был в партизанах, а сейчас на передовой. После окончания пятого класса, поговорившись с подружками, уехала в г.Приморск. началась моя самостоятельная жизнь.

Екатерина окончила ФЗО и стала работать на консервном заводе, где выпускали шпроты. Работа нравилась ей. Она радовалась жизни, война окончилась и в душе. Изо всех сил старалась забыть о своём несчастном детстве и о том страшном, что пришлось ей пережить. Однажды в клубе на танцах она познакомилась с парнем, который ей сразу пришёлся по душе. Первое время очень стеснялась своей старенькой

одежды, а купить что-нибудь понаряднее – не было денег. Но Александр полюбил девушку и совсем не обращал внимания, какая на ней одежда. Он уже прослужил в военном флоте семь лет и должен был демобилизоваться, поэтому вскоре после знакомства с Екатериной сделал ей предложение. Девушка строгого поведения, Катя отпросилась на десять дней с работы и уехала посоветоваться с бабушкой в Новую Ладугу. Кроме того, она очень хотела встретиться с братом, они не виделись девять лет.

Бабушка одобрила намерение внучки выйти замуж. Когда Катюша приехала, то брата дома не оказалось. Двоюродная сестра сказала, что он ушёл на танцы, и предложила встретить его по пути к дому. Брат шёл с двумя девушками и прошёл мимо сестры, не узнавая её. «Миша! – окликнула Валентина, - ты не знаком с этой девушкой?» Тот вернулся, протянул руку сестре и сказал: «Михаил». «Катя», - чуть слышно сказала его сестра. Узнал... Они обнялись и заплакали от радости встречи...

Екатерина вышла замуж и они с Александром Прокопьевичем Шитиковым в 1951 году приехали в Приозерск. Здесь на молокозаводе работала главным бухгалтером его сестра. Саша устроился слесарем в сушильный цех целлюлозного завода. Катя чуть позднее стала работать там же съёмщицей. Оба работающие, они всегда были уважаемы в коллективе.

Жили сначала на острове, что напротив 144-го километра по железной дороге. Никаких удобств,

холодно и сыро. Только когда родился первый сын, Коля, им дали комнату на Нагорной улице. Александр Прокопьевич умер в 1974 году, когда ему исполнилось 45 лет. Он любил и жалел Екатерину, посоветовал ей, когда заболел, уйти из сушильного цеха, где она проработала 19 лет. С 1971-го по 1994 год, уже, будучи даже на пенсии, Екатерина Васильевна трудилась в детском доме инвалидов.

- Я очень люблю детей, а больных ещё жалче, долго не хотела покидать их, они как родные мне были. За работу меня всегда благодарили, без дела никогда не сидела. Двое сыновей выросли. У меня внук, две правнучки – двойняшки, есть ещё два правнука и правнучка в Петрозаводске – они моя отрада. Очень жаль, что Саша так рано ушёл из жизни. Я была счастлива с ним. Пенсия у меня небольшая, звания ветерана нет, хотя стаж более 40 лет, обидно как-то.

- Екатерина Васильевна, - спросила я, - вы обращались куда-нибудь о присвоении вам статуса «узника концлагерей»?

- Давно, но мне ответили, что все документы сгорели. Я решила узнать, что за детский «приют» был устроен в Вырице. Заведующая детской районной библиотекой Будеева Елена Юрьевна оказала мне неоценимую помощь: созвонилась со своей коллегой из Вырицы, и я сразу же выехала туда. Татьяна Николаевна Кирсанова познакомила меня с документами, хранящимися в их фонде. Что же мне удалось узнать?

Летом 1942 года на базе одного из домов отдыха в Вырице фашисты устроили лагерь принудительного труда для детей. С конца лета в лагерь свозились не только беспризорные дети, но и дети многодетных семей г.Шлиссельбурга, Мги, из дачных посёлков Ленинградской области. В этом лагере насильственно содержались и эксплуатировались дети от 4-х до 14 лет. Создание детского лагеря – это политика «великого фюрера»: уничтожить взрослое славянское население, а их детей сделать рабами, скотом для выполнения грязных, тяжёлых физических работ. Прежде, чем уйти из Вырицы, фашисты согнали почти всё взрослое население посёлка на станцию, погрузили в вагоны и отправили в Прибалтику, а затем в Германию.

Вырицу освобождала 72-я стрелковая дивизия. Разведчик этой дивизии Петрук рассказал, что при освобождении посёлка был обнаружен секретный детский концлагерь, в котором оставалось около пятидесяти живых измождённых больных детей. Детей вывезли в Ленинград, в детдом по адресу: ул.Чайковского, д.1/6, а с 56 года перевели на улицу Фурманова, д.6а. Принимала бывших узников в детдоме Житушко Тамара Емельяновна.

Когда на реке Оредеж построили электростанцию, и поднялся уровень воды, обнаружилось, что вода подмыла часть берега, и люди увидели множество детских скелетов, их нашли на дне реки. Всего нашли около 200 останков.

Начиная с 1960 года, директор школы № 2, Тетюев Борис Васильевич вместе со своими учениками занимался раскопками и собирал свидетельства существования лагеря, разыскивал бывших узников, переписывался с ними и писал историю края. Останки детей захоронили у основного поселкового кладбища. Ученики собирали макулатуру, металлолом, работали в совхозе, чтобы на вырученные деньги возвести памятник маленьким узникам фашизма. Памятник установлен, на нём надпись: Детям Ленинградской Земли, погибшим от рук немецких захватчиков в Великой Отечественной войне 1941-1945гг. Это слова-посвящение с проступающими из камня детскими личиками.

Была создана комиссия, исследованы факты свидетельств узников и оставшихся живых в посёлке людей. В ноябре 1993 года состоялось заседание комиссии, протокол был утверждён Главой Администрации посёлка Калининым В.А., как признание существования в Вырице детского концлагеря. Он располагался в лесу, напротив Храма Казанской Божьей Матери, через речку. (К сожалению, место расположения лагеря за эти годы заросло, и едва сохранились остатки зданий. Самый большой дом, что был из двух этажей, сгорел ещё в 1991 году.)

Из показаний свидетелей я узнала, что воспитателями были русские женщины, которые боясь угона в Германию, устраивались здесь на работу. Охранники немцы по имени Бруно и Беш не выпускали плётки

из рук и наказывали жестоко детей за малейшее непослушание. Жестокостью отличалась и надзирательница Вера. Маленькие узники со страхом ждали её прихода: в чёрной форме, с плёткой, с широким ремнём на поясе, она проверяла все постели и если обнаруживала непорядок, то била виновного с остервенением. Была и раздатчица Тамара, о которой сложили дети песню, она была доброй. Когда по приезде домой я прочла Екатерине Васильевне три строчки из первого куплета песни, что я выписала из книги Б.В.Тетюева «Судьба - возвращенная память» (он написал её в 1996 году), то она заплакала и тут же вспомнила четвёртую строчку, а на другой день и второй куплет. В книге много свидетельств жестокого обращения с маленькими узниками.

Оказывается, в Вырице размещалась база отдыха для выздоравливающих немецких офицеров. Здесь же были два лагеря с нашими военнопленными. Комендант лагеря Дель-Фаббро, вместе со своей помощницей Марусей, приезжал на тройке с колокольчиками. Дети, услышав, разбегались по своим местам.

Вскоре я снова посетила Вырицу. Петербургская писательница С.И.Дмитриева продолжила исследовательскую работу по детскому концлагерю. Работая с архивами, составила список маленьких узников. В 2004 году вышла её книга «Было это в Вырице». Из этой книги, мне её подарила заведующая Вырицкой поселковой библиотеки Давыдова Н.Л., я узнала о

новых свидетельствах узников детского «приюта». Вот некоторые из них: -...Адольф Бруно приходил в пенсне, холёный, в чёрном, всегда с надзирательницей Верой. Детей куда-то увозили, и они пропадали, такое было... Я не знаю, для чего был устроен Вырицкий лагерь? Готовили детей для отправки в Германию? Брали кровь?...вспоминаю как страшный сон, как однажды в сарае увидела завёрнутых в одеяльца грудничков. Утром их там не было... Из лагеря выходить запрещалось, кроме как работы под конвоем. Дети с 10 лет должны были работать под надзором солдат в овощехранилище, в лесу. К обеду приводили в лагерь, и мы усаживались за длинные столы. Три раза в день нам выдавали турнепсовую похлёбку, заболтанную мукой, иногда с кусочком протухшей конины...

Дети часто болели от голода и усталости. Как-то началась эпидемия тифа, и комендант объявил, что сожгут весь лагерь. На наше счастье эпидемия вскоре прекратилась, но умерло более 50 детей...

Комендант лагеря Дель - Фаббро был после войны казнён, как военный преступник. Однажды, один из бывших узников в поезде узнал помощницу коменданта Марусю, её задержали, осудили на 25 лет. Так запомнились ему её розги, что он довёл это дело до конца. В Вырице служили румыны из восточной провинции, православные, это их видела в церкви Екатерина Васильевна. А вот песня, которую я полностью услышала от неё, а потом уже прочла в книге С.И.Семёновой.

*У нас была Тамара, что раздавала хлеб.
И маленький кусочек давала на обед,
Но это было мало для нас, больших ребят,
И мы решили хлеба с корзиночки украсть.
Но Вера увидала, и сразу, вмиг она
Нас в бункер посадила на 23 часа,
А мы не растерялись, сорвали дверь с петель,
Из бункера бежали... И спрятались скорей.*

Чтобы помочь Екатерине Васильевне помочь оформить статус узницы, я налаживаю переписку с бывшими её товарищами по несчастью. Как узнать в пожилой, обременённой болезнями женщине ту маленькую, худенькую девочку – сиротку из Шлиссельбурга? Я посетила часовню, где покоится прах иеросхимонаха Вырицкого, попросила помочь ей, как помогал он маленьким узникам молитвами в самые страшные для них дни и месяцы в детском немецком «приюте».

Посетила в Ленинграде «Большой дом», где мне пояснили, что в Вырице кроме детского лагеря был детский дом, где действительно некоторые дети учились, их хорошо кормили и одевали. Преподавали им русские учителя. Немцы готовили из них будущих клерков для обслуживания германского населения после окончания войны. Дисциплина была установлена жестокая. За малейшую провинность детей наказывали и даже отправляли в Вырицкий детский концлагерь. После войны комиссия по установлению

списка бывших узников фашистских концлагерей не стали включать в него детей из детского дома. О детском лагере забыли и только благодаря директору школы № 2 Б.В. Тетюеву и С.И. Дмитриевой удалось доказать о существовании детского концлагеря в Вырице, составить список его малолетних узников. Немецкая сторона так и не признала этот факт и не выплатила денежное пособие узникам. Когда я обратилась к С.И. Дмитриевой с просьбой помочь установить пребывание в детском «приюте» Екатерины Васильевны Шитиковой (Быстровой), она пригласила меня к себе домой на проспект Энгельса.

Мы очень волновались, когда она раскрыла список, взятый ею из архива, работники которого отказали мне выдать справку.

Светлана Ивановна стала называть фамилии, голос её дрожал, и вдруг она заплакала от радости - сорок первой по списку была Екатерина Быстрова со всеми её данными. Мы обнялись и поздравили друг друга...

Вернувшись в Приозерск, я пришла в Комитет по соцзащите населения и рассказала обо всём его председателю. Через несколько дней вопрос был решён. Екатерина Васильевна получила статус «малолетней узницы концлагерей», прибавку к пенсии и друзей из общества людей, как и она переживших фашистскую каторгу в детстве.

Апрель 2005г

ПЛЕННИК ФАШИСТСКОЙ КАТОРГИ

В этом человеке чувствуется какая-то внутренняя сила, собранность. И не случайно: вся его жизнь, начиная с детства, воспитывала в нём эти качества.

Иван Никанорович Москаленко родился в Кировоградской области в 1925 году, в пять лет остался без отца. В голодном 1933 году мать его и двух братьев сдала в детский дом в г.Кривой Рог. Началась сиротская жизнь. Но вот из Днепропетровской области приехала добрая деревенская женщина и забрала его. У Татьяны Васильевны и Григория Михайловича Кульпан не было своих детей, и они пригостили Ванюшку. Вспоминает о них И.Москаленко с большой любовью и благодарностью. В 1940 году Иван поступил в ФЗО при металлическом заводе. Когда началась война. Учащихся ФЗО эвакуировали в Таганрог, но немцы наступали так быстро, что в скором времени ребята оказались на оккупированной территории. Немцы приняли их за партизан из-за стриженных голов, заставили очищать улицы для прохождения техники. Иван и трое его товарищей сумели бежать, закопались в уголь (мимо проходил поезд, гружёный углём). Потом пешком ночами добирались до родного села. Но и там уже были немцы, они обижали людей, отбирали последнее, били и унижали. Уйти к партизанам? Но в этих местах их быть не могло, так как кругом на много вёрст чистое поле. 20 мая 1942 года всех молодых

ребят и девушек из села отправили в Германию. Ребята, понурые, обессиленные от жары, подгоняемые немецкими солдатами и полициями, с трудом влезали в тёмные, душные коробки товарняка.

- Сердце разрывалось от того, что дома осталась тяжелобольная мама Таня, и от безысходности положения, в которое мы попали. Ненависть к врагам не давала дышать. Привезли нас в город Геншел в 160 км от Берлина. Жили в бараках. Кормили нас хуже свиней, в основном, брюквой и картофельными очистками. Охранники зверствовали, иных забивали до смерти. Нас заставляли отрывать рвы и закапывать умерших от голода и побоев людей. Всего из нашего села было угнано в Германию 52 человека, в живых осталось только четверо.

Однажды, когда мы вернулись с работы, в бараке было пусто. Всех, кто там оставался, под предлогом мытья в бане, сожгли в печи крематория. Пепел немцы использовали, как удобрение, на полях. На следующий день мы вдвоём с другом сделали ножи. Но как уйти? Кругом колючая проволока и часовые на вышках. Всё же мы сумели сделать подкоп под ограждение и бежали. Тут же была организована погоня. Двое охранников на велосипедах, с собаками на поводке, настигли нас в каком-то болоте. Собака кинулась на меня, но я сумел зарезать её. Нас жестоко избили и вернули в лагерь. Приговор – повесить. Посадили сначала в карцер на полтора месяца. Света там не было, глухие стены. Когда открывали дверь и

свет попадал в помещение, я терял сознание, пинок сапогом приводил в чувство.

И вот назначили день казни. Я стою у петли, мысли куда-то спешат, путаются, неужели конец? Женщины-узницы стали упрашивать коменданта отменить казнь, мол, вырос сиротой, бедняга. Комендант «пожалел» сироту – смертельную казнь заменил на другое наказание - 25 ударов плёткой ежедневно, в течение двух месяцев. И снова карцер. Когда выпустили, снова стали гонять на работу.

Не мог Иван больше терпеть неволю и снова бежал с товарищем. На этот раз сумел добраться до Литвы: на Ленинград из Германии шёл эшелон с военной техникой. Ребята влезли в одну из переходных будок, что были оборудованы в тамбурах, а чтобы конвой не заглянул случайно, опутали её колючей проволокой, кусок которой прихватили по пути.

- Я был покрепче, товарищ же послабее. Он часто был в забытьи. Выползали из будки только по нужде. Когда бежали из лагеря, то в поле запаслись несколькими морковками и капустой...

Шёл август 1943 года. Доехали до Шауляя. Обесиленные выползли из будки, тут-то и забрала их литовская полиция и доставила в комендатуру.

- Определили нас в тюрьму, - продолжает Иван Никанорович. – Здесь были военнопленные, партизаны и беглецы из концлагерей. Кормили здесь, правда, получше. Каждый день разрешалась

40-минутная прогулка по территории. Выдавалось полотенце и мыло. Пробыли мы с другом в тюрьме 8 месяцев.

Однажды сюда явился фермер Гуделис Антонас (его родители в 1917 году сбежали из России в Литву) и взял нас батраками к себе (хозяйство было большое – 50 гектаров земли). Мы общались с литовцами, через них завязали связь с партизанами. Наши наступали, мы уже слышали гул орудий, радовались скорому освобождению. Но хозяин заявил, что обязан вернуть нас в тюрьму, так как взял нас под расписку. И нас вывезли в Западную Германию.

Освобождали нас американцы, предлагали ехать в Америку или другое место. Но мы с другом твёрдо сказали: «только домой». Везли нас через Польшу на американских студебеккерах. Варшава представляла собой одни развалины. После нескольких проверок в особом отделе Владимира-Волынска (это Западная Украина), меня направили на восстановление Кексгольмского целлюлозного завода, а друга на Дальневосточный фронт. Эшелон таких же, как я, бывших узников фашистских концлагерей, прибыл в город Кексгольм 15 января 1946 года. Поселили в главной конторе, потом в общежитии. Всё оборудование восстанавливали вручную. Женился в 1948 году. Надя работала официанткой в столовой. Такая красивая, стройная, как сосенка, скромная. А коса, чудесная коса – ниже пояса. Так всю жизнь, до самой смерти не обрезала её. Любил я её очень. 52 года прожили

вместе. Похоронил в 1992 году. Как будто половину себя похоронил, всё тоскую.

Проработал Иван Никанорович в отбельном цехе 36 лет технологом, мастером. На пенсию ушёл по «первому списку». Имеет много благодарностей и поощрений за добросовестную работу. А сейчас, с 1986 года, работает слесарем-электриком в городском доме Культуры «Карнавал» - незаменимый, уважаемый всеми человек.

В конце нашей беседы, когда мы заговорили о внуках, а их у Ивана Никаноровича семь, не сдержался этот мужественный человек, задрожал голос, в глазах блеснула скупая мужская слеза. Сказал:

- Как вспомню свои детство и юность, появляется страх за них. Не могу представить, чтобы им довелось пережить то же, что мне...

Апрель 2005 года

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Изучая судьбы людей, рассказывая о них, я думаю, что они заслуживают того, чтобы о них помнили.

Это они бились с врагами на полях сражений, гибли в фашистских концлагерях и умирали от голода в блокадном Ленинграде. Стояли насмерть в битве за урожай, боясь потерять единый колосок в поле. До последнего дыхания стояли у станков, каждый на своём месте. Сильные духом, они делали это для того, чтобы покончить с фашизмом, чтобы была жизнь на земле.

Они сражались, они восстанавливали разрушенное войной хозяйство, сохранили и возродили исторические ценности. Многие из моих героев – выходцы из крестьянских многодетных семей Центральной России, Новгородской, Псковской и Ленинградской земли, морально устойчивые люди. У них крепкие семьи. И ещё я уяснила, что зависть и личная неприязнь во многих случаях приводила к тому, что невинные люди оказывались по ложному доносу наравне с предателями в лагерях по политическим мотивам.

У нас, в Приозерье есть о ком и о чём писать. Здесь всегда были и будут талантливые, замечательные люди. Такая она удивительная наша земля. Наивысшим счастьем для себя считаю служить таким людям. Книга – это благодарность её героям.

Член союза писателей России,
Почётный гражданин Приозерского района
Хабибуллина (Новикова) Галина Васильевна

Михаэль Юрис

МОЯ БОЛЬ

От автора

Бог – жестокое существо вселенной.

Его жестокость ни с чем не сравнить в нашей жизни, жизни выживания. Где он был тогда, когда были уничтожены более шести миллионов евреев, включая полтора миллиона детей и младенцев и лишь только потому, что они были евреи?

Он властвует над всей вселенной, которую мы воспринимаем или не воспринимаем в узком понимании нашего мира. Его власть безгранична и жестока. Так какова его логика?

В библии пишут, что Бог приказал жить и размножаться.

А для чего? Чтобы пришли фашисты, антисемиты и всякая другая сволочь, что бы уничтожать его? И все это из-за зависти к великому еврейскому народу, давшему человеческой цивилизации Библию, Веру в одного Бога, Десять заповедей, не говоря уж о его существенном вкладе в мировой прогресс...

Почему всем живым миром, включая флору и фауну, правит жестокость?

Неужели насилие над людьми, над животным и растительным миром – это закон повседневной жизни на нашей планете, называемой Земля? И чей этот закон? Закон Бога? Закон Природы?

А если это так, так какой смысл выживания человечества на нашей планете, изучение космоса, сохранение животного мира, растений и исторических ценностей человеческого бытия?

Извините, но я не знаю! И, наверное, никто этого не знает!

Возможно, никто и никогда этого знать не будет! Возможно такова она - истина Природы! И вероятно, поэтому, в ней и скрывается вся наша трагедия! Трагедия разума...

ПРЕДИСЛОВИЕ

Память возвращает меня в раннее детство. Мир мой представлялся мне огромным и непонятным. Помню мельком Черновцы, поселок Заболотов, в Западной Украине. Поселок маленький, всё у всех на виду. Речка Прут. Невзрачная летом, но полноводная весной.

Помню, как её большие волны, затапливали часть поселка, неся с собой все: щепки, доски, животных. Помню, как однажды унесла человека. Несла, несла, а потом как накрыла волной, так только рябь осталась, одна рябь и только... Помню день смерти Сталина. Слезы на глазах у матери и отчима. Почему все плачут? Он нам что, родственник? Отчим не отвечал, а мать сказала, что он наш общий отец, отец всей страны. Не понимаю, почему у меня так много «отцов»... Потом школа, эмиграция... А что было «до»?..

Таинственное прошлое представало передо мною в образе моего родного отца, которого не знал. Подозреваю, что и моя мать не успела его познать. Давно и бесследно исчезнувший из моей жизни, он изредка всплывал в её рассказах. Но не это важно.

Важно, что благодаря им я существую! Я плод их любви. Первой любви...

Кто он был? Чем занимался? Что его волновало?

Сегодня, собрав крохи информации и документации от очевидцев, родственников, друзей моего отца и ссылаясь на них, я постараюсь описать, как выглядят в моем понимании вещей те события, которые привели к его трагическому исчезновению...

ГРОЗНОЕ НАЧАЛО

*Вставай страна огромная ,
Вставай на смертный бой!
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой...*

Август 1939 год...

Исторические события. Западные части Украины и Бессарабии попадают под Советский режим. Молодая пара, полна энтузиазма и любви, женится, оставляет свое местечко Бричево в Бессарабии и отправляется в город Донецк, строить «светлое будущее» для грядущих поколений...

Прошло два года...

И тут вспыхивает война! «Великая Отечественная» 1941 года.

Самое не подходящее время для моего появления в этом жестоком, не знающем пощады, мире...

Итак, первые дни этой войны...

Немецкие полчища прут на Восток. Газеты и радио полны сообщений об их зверствах со всеми поработанными ими народами.

Самые жуткие подробности приходят со слухами, из которых наше восприятие особо выделяет ненависть фашистов к евреям.

Страх, противный неотступный страх преследует моих молодых родителей днем, и ночью. Многие родственники, друзья и соседи покинули родные места и уехали, куда глаза глядят.

Улицы Донецка стали пустынными. Вид грузовиков, на которые грузили домашний скарб, обострял страх и тоску.

Страх толкнул моих родителей обратно на запад, в надежде встретить близких и родных...

По пути отца арестовывают за «дезертирство». Вместо расстрела его определяют в штрафной батальон.

Мать изредка получала от него письма, где он под строгой цензурой рассказывал о своей дальнейшей судьбе...

После краткой военной подготовки, дивизию отца бросили на Белгород и на Харьковское направление, где после ожесточенных боев, остатки дивизии попали в окружение вблизи города Изюм.

После этого - весточек от отца мать больше не получала...

Лишь к концу войны ей прислали сухое официальное сообщение из Москвы:

« Ваш муж, рядовой красноармеец, в борьбе за Отечество пропал без вести».

Глава первая ПРЕИСПОДНЯ

... Ночью под морозящим дождем, смешанным со снегом красноармеец Лев стоял в колонне таких же, как и он, голодных и заросших щетиной солдат.

Они стояли на набережной большого озера неподалеку от местечка Изюм. Отсюда под покровом ночи их должны были перегнать на запад. Стояли долго. Садиться было запрещено. Наконец, бесконечная колонна тронулась.

Усталые, голодные, дрожа от холода, утопая в грязи под наблюдением фашистских охранников, шли солдаты потерянной дивизии на Запад. Шли не как победители...

Ночь была глубокая. Ее тьма окутала густым покрывалом ветви елей. Вскоре она легла и на сугробы. Небо заволокло темной тучей.

Пошел густой снег, мокрый и холодный. Он падал большими крупными хлопьями, засыпая глаза, забираясь в открытые от напряжения и усталости рты. Колонна двигалась ускоренным шагом всю ночь и весь следующий день. Многие падали. Все чаще и чаще звучали выстрелы охранников. Добивали упавших...

После длительного перехода колонна военнопленных остановилась возле стационарного лагеря. Это был один из многих концлагерей, которыми щедро наградили фюрер порабощенные народы Украины.

Все стояли и глядели, как начальник транспорта передавал колонну военнопленных эсэсовцу, одетому в черную форму шарфюрера.

А тот слушал его с откровенным выражением отрешенности и брезгливой скуки. Очевидно, и настоящая жизнь, и человечество - все это было для шарфюрера где-то далеко, а здесь он считал, что его окружали вонючие отбросы. Но ничего не поделаешь, такая работа. Да и чем она плоха? Лучше здесь, чем воевать на фронте! Наверное, он так думал.

Шарфюрер посмотрел на сапоги первой шеренги, вернее, на то, что осталось от сапог, и что-то мрачно пролаял на немецком языке.

Охранники окружили пленных со всех сторон. Раздалась команда, которую никто не понял. Пленные начали поворачиваться то направо, то налево... Поднялась суматоха.

В задних рядах охранники – здоровые лбы в шлемах, напоминающих перевернутые горшки; били замешкавшихся прикладами.

Вместе со всеми Лев подбежал к огромному, красно-каменному зданию, обсаженному деревьями. Кроваво-красный флаг империи Третьего Рейха лениво плескался над крыльцом.

«Наверное, здесь до войны, располагалось учреждение НКВД, или что-то подобное», – решил Лев.

На крыльце, подбоченясь и нетерпеливо играя прутом, выжидал молодой эсэсовец. Он был без фуражки, воротник с серебряными молниями расстегнут.

Когда вся колонна, наконец, «успокоилась» и аккуратно выстроилась в четыре шеренги перед ним, он произнес речь:

– Вы, аллес*, – начал эсэсовец, сверкая льдыстыми глазами, на самом что ни есть русском языке, – слушать сюда! Сейчас я вам

кое-чего скажу, а больше с вами никто разговаривать не будет.

Вы больше не люди, а свиньи, поняли?

Все поняли, еще бы не понять. Дальше следовало несколько непонятных лающих фраз.

Оратор сплюнул и продолжил:

– Вы принадлежите Германской империи, тут вас научат работать, ленивые свиньи... Кто работает – тот живет, кто саботаж – тому капут! Ясно? Это вам не Россия! – оратор шмыгнул носом.

– А теперь слушай сюда... Сейчас будут записывать анкетные данные. Каждый подходит к господину офицеру, вот там, в канцелярии и громким голосом отчетливо говорит, где родился, где крестился!

Политруков нет? Жидов нет? Если есть, то чтобы сразу сказали, а нет, то хуже будет!

После этих слов оратор, расставил ноги и громко высморкался наземь.

Пленные, грязные и обросшие бойцы, в рваных шинелях и в пилотках с которых были сорваны звездочки, молча наблюдали за этой мерзкой сценой. Потом все по очереди стали входить в здание, оцепленные немецкими автоматчиками.

Два автоматчика стояли при входе. Внутри по обе стороны длинного коридора были двери с табличками. За первой дверью стрекотала печатная машинка. Каждый пленный должен был постучать в эту дверь, войти, снять верхний убор и рапортовать.

Лев постучал и вошел в эту комнату. В комнатушке было жарко, топилась печь, на окне - решетка, под потолком горела яркая лампочка, хотя на дворе еще день.

Немецкие администраторы «трудившиеся» за длинным столом, не соизволили даже взглянуть на вошедшего.

Один стучал на машинке, другой перелистывал списки.

Им было совершенно безразлично, кто стоит перед ними.

– Имя, – рявкнул первый из сидевших, не поднимая глаз, как видно их начальник.

– Лев Михайлович.

– Национальность!

– Еврей.

– Век! Век!* – процедил фашист и с ненавистью посмотрел на него.

Подожел автоматчик и, ткнув пленника стволom в спину, заставил его выйти из комнаты и бежать в другой конец коридора.

Там уже стояли десятки еврейских военнопленных. Лев стал в очередь, у большого окна.

Через окно были видны вход в двухэтажное каменное здание, вахта с караульной вышкой и большие чугунные ворота.

На воротах, сквозь большое зарешеченное окно виднелись уходящая вдаль каменистая дорога, плоские здания барачков и площадь.

На караульной вышке стоял часовой. Его круглая немецкая каска выделялась на фоне хмурого, серобелого неба.

После «регистрации» Льва вместе с группой еврейских военнопленных погнали к центральным воротам. Надсмотрщики с палками в руках, словно сфинксы, застыли при входе.

Каждый узник хотел как можно скорее проскользнуть мимо них.

Когда несколько сот человек захлестывает такое желание, обычно страдает дверь. Но здесь страдали больше спины, и «бедняжки» - палки вскоре были сломаны об них.

«Куда же мы попали? В сумасшедший дом или к черту на рога?» – промелькнула мысль у Левы. Еле дышавших и смертельно уставших военнопленных привели к длинному барачку.

Из него вышел фашистский молодчик и, на ломанном русском, буркнул что-то об обязанностях, а потом о предстоящем «деле».

Оказывается, их привели в «баню». Тут новичка ждали обычно с нетерпением, которому легко было найти объяснение.

Здесь над ним совершали целый ряд «важных обрядов».

Придя в обшарпанный барак, именовавшийся «баней», новичок предстал перед глазами, сидевшего за отдельным столиком унтершарфюрера СС. Он распоряжался одеждой, обувью и чемоданами узников. Новичок должен был отдать ему деньги, золото, часы, авторучки и прочие ценности. Деньги и ценности не записывались.

Все остальное тщательно регистрировалось, а узник подписывал.

Продукты и курево, привезенное новичками, все без исключения шло в пользу банной команды. Потом всех «старательно» стригли под машинку, где только нашли волосок.

Узники становились голыми, как Адам в раю. «Но где рай, а где мы?» – подумал Лев. Опрыскали всех какой-то вонючкой, так сказать, продезинфицировали. Затем всех, как стадо, погнали через холодный душ. Многие и намочнуть не успели. Официально считалось, что все мыты.

После «купания» погнали в предбанник. Здесь совершался ритуал выдачи мрачного барахла неопределенного цвета, официально называемого бельем.

Облаченных таким образом всех военнопленных загнали в жилой барак номер 13. Это было длинное помещение, битком набитое трехэтажными «кроватями» шириной 80-90 сантиметров.

На каждом этаже спали две «персоны». Иногда здесь приходилось помещаться трем – четверем, а то и большему числу арестантов.

Кровати были оснащены матрацами, наполненными трухой, а также необъятным количеством вшей, блох и клопов, число коих, казалось, неустанно увеличивалось. Очутившись в такой кровати, Лев, наконец, почувствовал себя «почетным гражданином» этого концлагеря.

Смертельная усталость брала свое. Постепенно утихли ругань и стоны. Никто больше не чертыхался. Но сон не шел. Холодно. Тесно.

В выбитые окна барака врывается морозный ветер. Заключенные лежали полуголые, голодные и изнуренные.

Вдруг что-то начинает копошиться на шее, впивается в бок, ползет по коленям. Руки тянутся к месту подозрительной возни и выволакивают какое-то насекомое, не то грязно-белое, не то серое.

«И откуда столько мерзости берется?» – вздохнул Лев.

«Эх, Эх. Это напрасный труд! Здесь этого ползучего добра видимо-невидимо, всего не передавишь. Надо, стиснув зубы, не обращать внимания на них», – подумал он и прикрыл глаза.

«Кто знает, сколько сил потребует грядущий день».

Усталость взяла вверх, и Лев забылся беспокойным тревожным сном без сновидений...

Глава вторая ТОЛЬКО БЫ ВЫЖИТЬ...

Лагерь, в который попал Лев, официально назывался «Совидорф».

Он был расположен в Полтавской области и был далек от посторонних глаз и ушей. Поселков в окрестности не было. Их просто сожгли.

В лагере царил один закон: никто в мире не должен знать, что творится за колючей проволокой. Из него живым никто не выходил.

Не случайно после войны в захваченных документах этот лагерь значился:

«Vernichtungslager» – лагерь уничтожения.

Лагерь был разделен на три сектора.

Первый – для военнопленных евреев. Второй – женский. Третий – для военнопленных других национальностей.

Этот лагерь получил кличку «Грозный». Такое название он получил по имени заместителя начальника лагеря Ивана Грозного, украинского уголовника бандита, попавшего в лагерь за различные преступления.

На его совести была не одна человеческая жизнь, и не только еврейская.

Начальником этого концлагеря был некий Ганс. Бухгалтер по профессии, он управлял этим лагерем с первого дня существования, то есть с осени 1941 года.

В кругу своих, в Берлине, Ганс упоенно хвастался тем, что он находится на восточном фронте на поле брани, хоть пороху он и не нюхал. Все время он

«воевал» с безоружными заключенными руками Ивана. А руки, особенно кулаки, у Ивана были образцовыми, а зубы

заключенных, как известно, крепостью никогда не отличались.

Рука у Ивана была тяжелая. Одним ударом он сбивал арестанта с ног. Занятой игрой для него было врезаться в толпу заключенных и ударами рассыпать их во все стороны.

Сорокалетний приземистый, широкоплечий, седой, некогда черноволосый Иван, был профессиональный убийца и палач -любитель. От водки и ругани он совершенно потерял голос и шипел

по-змеиному. Да! Он был самым ненавистным врагом заключенных.

Даже стишок был придуман ими на этот счет:

*Мне почтенья не окажешь –
Трахну, тресну – мертвым ляжешь,
Рук моих узнаешь силу,
Стукну раз – катись в могилу.*

Все секторы подчинялись воле Ганса и Ивана. Связей заключенных между секторами почти не было. Одна судьба объединяла их – умереть от побоев, голода, болезней, или вылететь в трубу крематория.

В каждом секторе жило от 600 до 2000 узников. Все носили на груди и на штанинах треугольники соответствующего цвета.

Женщины – голубой цвет, русские – красный, украинцы – белый, цыгане – черный и т.д.

Только евреи не носили треугольников. На груди и на спине у них были шестиконечные звезды желтого цвета.

Однако внешние различия не имели большого значения, так как в распределение на работу, а также в наказаниях, все были уравнены в правах. Все, кроме евреев... Они были лишены любых прав.

Jude – еврей. Еврей не нация, не народ, следовательно, они – преступники, подлежащие аресту и наказанию. Родился евреем, значит преступник. А наказание одно – расстрел.

Но не всегда евреев расстреливали: пули все же ценились дороже. Чаще всего применяли газы. Ведь евреи равны насекомым.

Иногда евреи вместе с другими пытались сопротивляться.

– Мы тоже люди!- кричали они.

Но эсесовцы, видимо, были другого мнения.

Мольбы женщин и старух, не действовали на них, плач детей и младенцев не беспокоило палачей...

Разница между смертью и этой «жизнью» заключалась в том, что здесь живого истязали, калечили, постепенно высасывали из него все соки и обрекали на голодную смерть. Одни умирали, другие «счастливыцы» жили и мучились.

Мертвые падали на живых, а у живых не хватало сил столкнуть с себя трупы и выбраться из-под них. Не у всех живых были силы и ползти.

Иной раз те, что покрепче, тащили трупы во двор. Редко когда...

Обычно отползут от трупа в сторону и сами умирают. Так и валялись там трупы - отдельно и кучами - покорно ожидая, пока зондеркоманда отвозила их в крематорий.

Именно в эту зондеркоманду и попал советский военнопленный, еврей Лев.

Работа адская, изнуряющая, но работа.

«Я жив», – думал Лев. – « Я буду жить назло врагам и все сделаю, чтобы вырваться отсюда, из этого пекла».

Возвращались с работы каждый раз поредевшими рядами,

усталые и голодные. Появлялись, словно призраки.

Призраки идут и ползут... Потихоньку, беззвучно, как тени проплывающих облаков. Идут и ползут...

Когда-то, может быть, совсем недавно, они были людьми.

У каждого был свой дом или квартира. Каждого ждали родители, сестры, братья. Может любимая девушка, жена, дети.

У них была Родина, жизнь, воля, свобода, собственное достоинство.

Ползут и ползут, поддерживая, и цепляясь друг за друга. Только бы выжить... Только бы выжить...

Глава третья ПОБЕГ

Да! Лев и его друзья по несчастью выжили. И не только выжили, но и предприняли меры для спасения. Решили вырыть туннель.

Крематорий находился на краю концлагеря вблизи густого, лесного массива. Используя факт, что охранники не могли терпеть трупный запах и острый смрад сжигаемых трупов, они находились на приличном расстоянии от зондеркоманды.

Лев быстро сошелся с несколькими отчаянными парнями и стал их лидером. Днем сжигали трупы, а ночью рыли туннель.

Долбили и копали туннель осколками стекла, деревянными ложками, зубами и ногтями. Потом ... найденными напильниками и ножами, прихваченными жертвами с собой в последний в их жизни путь.

Рыли туннель, пока он не достиг внешней части лагеря за оградой и колючей проволокой.

К концу третьего месяца туннель был почти готов. Еще чуть-чуть.... Еще несколько десятков сантиметров оставалось до ближайших сосен. А там, густой лес...

Лев и его друзья уже назначили час побега.

Но в конечном пункте туннеля узники неожиданно наткнулись на огромный валун. Он был последним, казалось, непреодолимым препятствием на пути к жизни. Заговорщики были в отчаянии.

Тяжелая работа, постоянный голод и недостаток сна, сломали многих. Лев хотел отменить весь план.

И тогда произошел случай, из ряда вон выходящий.

В туннеле, у злополучного валуна, к нему вплотную приблизилась человеческая фигура и шепнула:

– Лейви, ты знаешь кто я?

Вопрос поразил его. Что за вопрос? Конечно же, он знает всех, кто был рядом, даже по голосу:

– Да, Мойше, это ты! Что случилось?

Мойше без слов взял его руку и внезапно всунул её под свои лохмотья прямо к бьющемуся под тонкой кожей сердцу.

К своему удивлению Лев почувствовал женскую грудь.

От неожиданности он отпрянул, будто обжегся.

– Ты?...

– Всё ещё не понимаешь? Так я тебе скажу.... Да! Я женщина!

Это я, Эстэр, с твоего городка. Забыл детство? А я наше детство помню...

На Лёву нахлынули теплые воспоминания. Будто он снова переживал свою первую мальчишескую радость и любовь.

– Кроме моего спасителя, – шепнула Эстэр, – никто не знает, что я девушка. Оглянувшись, она опять прикоснулась к уху Лёвы и прошептала:

– Если кто-то узнает об этом, я не жилец на этом свете.

Когда привели вас сюда, я пряталась в ближайшем лесу.

Из-за голода решилась на отчаянный шаг. На-толкнувшись на труп красноармейца, я надела его форму и примкнула к вам. В меня стреляли. Легко ранили, и я потеряла сознание. Один из зондеркоманды уже поднял меня и потащил к печи, но я, наконец, шевельнулась или простонала «мама», и он меня спрятал в канаве, присыпав ещё теплым пеплом.

К вечеру кто-то скончался, и я стала числиться вместо умершего. Количество ведь должно сходиться...

– Лейви, ты прости меня. Я не хотела, чтобы ты меня узнал.

Я стыдилась. К чему, думала я, сыпать соль на раны? Но сейчас я вынуждена была открыться. Почему? Потому что я не могла не сказать: ты начал терять надежду. А это может ослабить всех нас душевно.

Ты, Лейви, и твои друзья камня испугались! Не надо сдаваться, не поднимайте руки! Пока есть возможность, надо напрячься и пробиться, – с жаром и с отчаянием продолжала Эстэр, – или я Эстэр, или могилу мне рой!

Оба застыли в глубоком молчании... Только слезы беззвучно струились по их запыленным запавшим щекам, оставляя на них тонкие борозды.

– Сколько лет мы не виделись? – прошептал Лев. – И надо же, чтобы мы встретились именно здесь, под землей, под этим адом.

Они прильнули друг к другу...

Вдохновенный её словами Лев приободрил и своих товарищей. Этой же ночью узники изо всех оставшихся сил дробили этот валун.

Эстэр превратилась в комок энергии. Её возбуждение и вера в успех заразили всех. Камень крошился, крошился и, наконец, раскололся. Струя свежего воздуха ворвалась в затхлый туннель.

Цепи звенели. Мины взрывались. Пули свистели. Выли сирены. Лай собак....

Но они уже рвались к свободе.... Остановить их было невозможно.... Один падал, другой его поднимал, и бежали вместе, пока пули не достигали их. Третий взрывался.... Четвертый....

Среди бежавших - Лев и Эстэр. Но Лев не добежал...

Мина взорвалась под ним, а Эстэр добежала....

Добежала и дождала до тех дней, что бы смочь рассказать миру и мне о моем отце и о последних минутах его жизни...

Сергей Александров

К ВОПРОСУ О «ПРЕДАТЕЛЬСТВЕ СТАЛИНА ПОД ВАРШАВОЙ»

ремарка на статью польского публициста
Мачея Вишнёвского о том, зачем польские политики
грубо искажают историю:
<http://izvestia.ru/news/625541>

Итак, «разберём» по пунктам:

1. В своё время немецкая газета «Цайт» опубликовало следующие архивные материалы:

«... В немецких архивах были обнаружены записи переговоров, состоявшихся НЕЗАДОЛГО до восстания. Переговоры состоялись вблизи варшавского пригорода Юзефова. С польской стороны их вёл сменивший арестованного Ровецкого новый командующий Армии Крайовой (АК) известный СПОРТСМЕН-КОННИК Тадеуш Коморовский, а с НЕМЕЦКОЙ стороны – штурмбанфюрер СС Пауль Фухс. Вот некоторые выдержки из переговоров:

- ФУХС: Пан генерал, до нас ДОШЛИ слухи, что Вы намерены объявить о НАЧАЛЕ восстания в Варшаве 28 июля, и что на этом направлении с Вашей стороны ведутся активные приготовления. Не считаете ли Вы, что такое решение повлечёт за собой кровопролитие и страдания гражданского населения?

- КОМОРОВСКИЙ: Я только солдат и подчиняюсь приказам руководства... Моё личное мнение не имеет здесь никакого значения, я подчиняюсь правительству в Лондоне...

- ФУХС: Пан генерал, Лондон далеко, они не учитывают складывающиеся здесь обстоятельства, речь идёт о политических склоках. Вы лучше знаете ситуацию здесь, на месте, и можете передать о ней всю информацию в Лондон.

- КОМОРОВСКИЙ: Это ДЕЛО ПРЕСТИЖА!. Поляки при помощи АК хотели бы освободить Варшаву и назначить здесь польскую администрацию ДО МОМЕНТА вхождения советских войск. (!) Хотим объявить об этом как о свершившемся факте... В то же время я должным образом оцениваю Ваше беспокойство, которое и я лично разделяю. Вместе с тем я готов предложить Вам компромиссный вариант. Немцы выводят свои войска за пределы Варшавы. Командование АК и Делегатура правительства берут власть в Варшаве в свои руки... Могу заверить Вас, что АК не будет преследовать немецкие войска, покидающие Варшаву...

- ФУХС: Пан генерал, я полностью понимаю мотивы, которые движут Вами... Отдаёте ли Вы себе отчёт о том, что Советы после захвата Варшавы расстреляют Вас за СГОВОР с немцами, а Советам в этом помогут польские коммунисты...

- КОМОРОВСКИЙ: Несомненно,.. это может иметь место... Но, если Лондон так решил, восстание, несомненно, начнётся.

- ФУХС: Пан генерал, не буду больше испытывать Ваше терпение, хотел бы поблагодарить Вас за беседу, содержание которой передам руководству в Берлин...»

Вот и ПЕРВОЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВО. И отнюдь не Сталина.

2. Несмотря на это, 21 июля 1944 года Коморовский послал в Лондон премьеру Станиславу Миколайчику бодрое донесение: «... я отдал приказ о готовности ГОТОВНОСТИ к восстанию с часу ночи 25 июля...»

С.Миколайчик, получив послание, только 29 июля (!) обратился к английскому командованию насчёт помощи. Но ему отказали – по причине занятости английских войск в сражении в Нормандии; к тому же параллельно англичане высаживались в южной Франции и вели позиционные бои в Италии и в Бирме, да ещё готовились к вторжению в Грецию. Поэтому им совсем не улыбалось счастье в виде бунта в Варшаве за тысячи километров.

Были ли генерал и премьер идиотами или, может, кто-то из них действительно работал на немцев? Ведь немцы могли только мечтать о столь УДОБНОМ противнике, любезно лезущем на рожон в заранее обговорённое время. Тому свидетельство – запись немецкого дежурного офицера штаба 9-й армии 1 августа в 17.00: «ОЖИДАЕМОЕ восстание поляков в Варшаве началось».

И это – ВТОРОЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВО. И опять – не Сталина и не Красной армии.

3. Восставшие имели чуть более 3 000 стволов стрелкового оружия (из них – 1 700 пистолетов!!) и две старые пушки, спрятанные в подвалах. И это на 40 000 бойцов!!

Ко всему прочему восставшие ПОЧЕМУ-ТО НЕ ПОЖЕЛАЛИ ЗАХВАТИТЬ мосты через Вислу и, соответственно, расположенный на восточном берегу реки район Прагу. Ведь в случае захвата мостов и Праги приближающиеся ускоренным маршем к Варшаве авангарды советских войск получили бы ПРЕКРАСНУЮ ВОЗМОЖНОСТЬ СОЕДИНИТЬСЯ с повстанцами и ПОМОЧЬ им продержаться до подхода основных сил Красной армии. НО – к приятному удивлению гитлеровцев – Коморовский пошёл на ЮГ, стараясь соединиться с отрядами АК в кварталах Верхний и Нижний Мокотув, которые в это время уже уничтожались немцами. И, естественно, восточный берег немцы успешно отрезали как от повстанцев, так и от подходящих частей Красной армии.

Вот уже – ТРЕТЬЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВО! По отношению к собственному восставшему народу! И где здесь «вина» Сталина?

4. По донесению заброшенного в Варшаву советского разведчика Ивана Колосова («Военно-

исторический журнал» №4, 1993 год) для установления связи с повстанцами, ВСЕХ попавших под «горячую руку» украинцев и уцелевших после разгрома варшавского гетто евреев восставшие совместно с бойцами АК прикончили весьма оперативно. Одновременно, НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ, захватили несколько советских пленных, которые сумели в суматохе сбежать из фашистских застенков... Да ещё – ДО КУЧИ – НАПАЛИ на группу солдат 1-й советско-польской армии, и предприняли попытку расправиться с самим разведчиком.

Антикоммунистический историк Иегуда Бауэр писал так же об УНИЧТОЖЕНИИ по ПРИКАЗУ КОМОРОВСКОГО от 15 сентября 1943 года еврейских партизанских групп.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО НА ПРЕДАТЕЛЬСТВЕ! Сами себя предавали. Или, может, ПРОДАВАЛИ?

5. Губернатор Варшавского округа герр Фишер, будучи не в курск закулисных переговоров Коморовского с Фухсом, воспринял меры безопасности собственными военными властями в штыки, и даже обвинил их в паникёрстве. В результате несколько тысяч гражданских из немцев не были своевременно выведены из Варшавы – и были «благополучно» перебиты восставшими. Мало того, впоследствии эти несколько тысяч герров и фрау поляки стали считать как трупы побитых врагов. Ну, да это не впервой им

– убивать гражданских... В соседнем государстве в ходе АТО до сих пор применяют эту уловку.

6. По поводу «бездействия» советских войск, стоявших на восточном берегу Вислы аж целых два месяца.

Ещё до восстания части советских войск начали форсировать Вислу сразу в нескольких местах, а немцы, вполне естественно, стали ожесточённо сопротивляться этому, скидывая их в воду. У Магнушева за вражий берег зацепилась 8-я Гвардейская армия, 16-й танковый корпус 2-й Гвардейской ТА, а так же данная им в подкрепление 3-я пехотная дивизия и танковая бригада 1-й советско-польской армии. С 28 июля по 1 августа 69-я армия и 11-й танковый корпус захватили три пяточка у ПУЛАВ, постепенно соединив их в один участок. Самый же крупный плацдарм удалось создать после переправы под САНДОМИРОМ. Именно там немцы впервые применили против 13-й, 3-й и 5-й гвардейской общевойсковой армии, а так же против 1-й и 3-й Гвардейских ТА свои новейшие сверхтяжёлые «Королевские Тигры». «На столь малом клочке земли как Сандомирский плацдарм полегло намного больше советских бойцов, чем в предыдущих сражениях с фашистами под Дубно или на Курской дуге» - писал в своих воспоминаниях Член ВС 1-й Гвардейской ТА Николай Попель.

Так вот, если следовать логике польских «историков», Красной Армии следовало бы БРОСИТЬ на фиг ВСЕ уже ОТВОЁВАННЫЕ у немцев плацдармы и галопом скакать на помощь опереточной гоп-компании Коморовского, воевавшей с помощью 3 000 автоматов, пистолетов и винтовок да с 2 пушчёнками. При том, что эта самая компания спит и видит спешащих на помощь исключительно в гробу и в белых тапочках. Да, ко всему прочему, ещё и не соизволила хотя бы ПРЕДУПРЕДИТЬ о своём безумном восстании.

Но – Красная Армия СТАРАЛАСЬ! Вышедшие к Варшаве два корпуса 2-й ТА опасно оторвались от главных сил, поэтому 1 августа в 04.10, т.е – за 13 часов до восстания – им был отдан приказ перейти к обороне. Но к тому времени оба корпуса уже были обложены с трёх сторон ПЯТЬЮ танковыми дивизиями немцев, включая 3 дивизию СС «Мёртвая голова» и 5-ю дивизию СС «Викинг». Советские войска потеряли в тех боях практически 2/3 из всех боевых машин (из 420 – 284 единицы!!). Когда сменивших уцелевших танкистов 47-я и 70-я армия двинулась к предместью Варшавы Праге, то наткнулась на ожесточённое сопротивление 4-го танкового корпуса СС. Бои продолжались с 14 по 20 августа. Но выбить немцев не удалось. И лишь после тщательной подготовки 26 августа удалось отбросить 3-ю танковую дивизию СС «Мёртвая голова». Сам район Праги 47-я и 1-я армии сумели очистить только к 14 сентября, причём её северные окраины «Мёртвая голова» удерживала

и позже. При этом в тыл фашистским частям ни восставшие, ни АК почему-то не захотели ударить, хотя, по записям тех же немцев, поляки имели такую возможность. И неоднократно.

Очистив Прагу, советские войска немедленно двинулись на западный берег Вислы. Шесть пехотных батальонов высадились в Варшавском районе Черняхув. Вот только тогда Коморовский СОИЗВОЛИЛ выслать в расположение советских частей своих связных, после чего советская артиллерия и авиация нанесли по заявкам повстанцев несколько мощных ударов. Казалось бы, уж теперь-то руководство Армии Крайовой должно всеми силами ударить по тылам немцев, которые сдерживали высадившихся в Черняхуве советские батальоны. НО – повстанцы даже не пошевелили пальцем! Не помогли. И к 23 сентября поредевшим подразделениям 1-й армии пришлось вернуться в Прагу, потеряв 1987 человек только убитыми! Но именно бои в Праге и на Черняхувском плацдарме отравили на тот свет основную часть уничтоженных в Варшаве фашистов.

Ну, и КТО КОГО ЗДЕСЬ ПРЕДАЛ?

7. И под занавес. Комаровский приказал ВСЕМ ПОЛЬСКИМ партизанским отрядам к началу восстания прорываться в Варшаву. Полторы тысячи бойцов из Кампиносских лесов выполнили приказ – и были уничтожены гитлеровцами вместе с повстанцами.

Однако у части командиров партизан хватило мозгов не соваться в мышеловку, а некоторые даже предложили свою помощь советскому авангарду под Сандомирами. Но это было скорее исключением из правил. Притом что Комаровский специальным приказом объявил их ПРЕДАТЕЛЯМИ!

Вот такая НЕПРИГЛЯДНАЯ ПРАВДА про Варшавское Восстание...

Про ПРЕДАТЕЛЬСТВО поляками поляков.

Что-то сейчас изменилось?

Анатолий Беднов

САЁНАРА

Черт дернул командированного в Питер жителя Забайкалья Жамдана Хамдарова забрести в этот забытый Богом и коммунальными службами переулочек! Он аккуратно обходил лужу, ворча: «Ну и вторая сторона! А грязь – хуже, чем в родном Гусиноозерске!», когда навстречу ему из-за угла показалась зловещего вида кампания.

Из-за арки дворового проезда выглянуло солнце – и заблестело на бритых головах трех питомцев профучилища. Впереди, засунув кулаки в карманы, вышагивал Мюллер, по документам Паша Мельников. Он очень гордился тем, что в переводе на немецкий его фамилия точь-в-точь как у шефа гестапо. Мюллер также был горд, что, во-первых, он – белый человек, а не какой-нибудь там косоглазый или черномазый пришелец; во-вторых, он – коренной петербуржец, а не потомок лимитчиков из задрипанного Пскова или Тихвина. Пусть и живет он в спальном микрорайоне, в хрущевке, ютятся с родными в двух комнатах, с совмещенных санузлом, зато – абориген второй столицы. Как-никак его прадед тут на Пулковских высотах голову сложил, а прабабка в блокаду умерла... Эх, зря они это, защищали и умирали! Лучше бы сразу белые флаги вывесили – тогда бы правнук их рассекал по Невскому на «Мерседесе» и пил шнапс вместо этой «паленой» водяры.

За спиной Мюллера семенил низкорослый Шмайссер. Неизвестно, почему его так прозвали – наверное, потому, что говорил он быстро, короткими очередями. На плечах его красовалась полинялая куртка из амуниции армии бывшей ГДР. Ее выменял он у какого-то антиквара, торговавшего раритетами эпохи социализма. Отдал за нее дорогую, добротную куртку, подаренную ему на семнадцатую днюху папой. Зачем ему понадобилось щеголять в восточногерманской униформе? Неужели непонятно: куртка та поразительно напоминала солдатское обмундирование старого доброго вермахта. Только без знаков отличия – надо бы попросить приятеля изготовить и нацепить. После того, как Шмайссер, «в миру» Игорек Кочкарев, совершил «выгодный» обмен, ему пришлось выдержать настоящее сражение с отцом, грозившим выгнать отпрыска из дому, если тот не вернет куртку. Вынудил его пойти в антикварную лавку. Не дойдя, сын вернулся, заявив, что хозяин давно реализовал кому-то папин подарок. Отец пошумел – да и махнул рукой: и кто только воспитывает сегодня молодежь? Совсем от рук отбились эти юнцы!

Сбоку от Шмайссера шагал Бургомистр. Почему он носил такую кликуху? Может быть, оттого, что физиономия у него была слишком «лапотная»: нос приплюснутый, губы оттопыренные, глазки хитрые, блеклые, чуть раскосые – давала знать чувашская кровь ма-тушки. Впрочем, Бургомистр яростно отстаивал свою природную русскость: «Я свое гинекологическое де-

рево до самых корней знаю!» Ни дать, ни взять слуга арийских завоевателей из покоренного местного населения. На рукаве его полинялого пальто был нашит шеврон со свастикой. Не настоящей, конечно, не гитлеровской – за такую привлечь могут! Нет, то была некая модификация солярного знака: ее концы загнуты не под прямым, а под острым углом. Бургомистр, он же Коля Буханкин, любил рассказывать:

- Меня за эту свастику в прокуратуру таскали. Но я доказал им, что ношу этот знак вполне законно. У Гитлера свастика была повернута справа налево, а у меня – слева направо. И вообще это славянский символ Коловорот. Там только руками развели: претензий нет. С тех пор и я, и вся наша организация «Русский фронт» этот Коловорот носит без боязни.

Яркий луч солнца осветил проулок – и ударил как назло прямо в лицо Хамдарову. Он зажмурился – и его глаза стали еще уже, чем были от природы. Еще ярче воссияли бритые макушки. Мюллер взглянул на незнакомца – и его губы расплылись в злорадной улыбке:

- Смотри, братва: чу-у-урка! Нашу землю топчет! Понаехали, гады, отовсюду...

- Чурка!!! – выдохнули дружно Шмайссер и Бургомистр.

Приезжий из-за Байкала с ужасом понял, кто перед ним – и остолбенел. Его руки инстинктивно сжали папку и поползли вверх, чтоб защитить лицо от возможной агрессии недорослей. Тут Мюллер вынул кулаки из карманов и разразился потоком слов:

- Вот уроды! Русскому человеку прохода нет на родной земле. Все заполонили!

- Все заполонили! – попугайски поддакнул Бургомистр, а Шмайссер выпалил:

- Чемодан-вокзал-Чуркестан! – и стал зловеще подвигаться к чужаку, посмевавшему вторгнуться в его «владения». В ногу с ним двинулись вперед и двое других.

Мысль человека, которому угрожает реальная нешуточная опасность, работает в лихорадочном темпе и порой внезапно выдает единственно верное спасительное решение.

- Я не сюрка. Джапан, - залепетал Хамдаров. – Япона по-русьска. Я есть джапан...

Клешня Бургомистра вцепилась в рукав Мюллера: «Слышь, а ведь это японец. Их пальцем не тронь – такие приемы начнет выделывать! Удар ребром ладони – и ты уже труп!»

И тут злобная гримаса на лице Мюллера сменилась подобострастной улыбкой:

- О, джапан! Мир, дружба, как в старину пионеры говорили! Добро пожаловать в Рашу!

Люблю Японию с раннего детства: сакура, кимоно, харакири, каратэ... Кино люблю про самураев, про ниндзя. У меня двоюродный брат бизнесмен, он в Токиве был. Вы оттуда?

- Я из... Нагасаки, - залепетал Хамдаров, понимая, что если он скажет «Токио», то этот отморозок примется вспоминать рассказы братца, начнет выпрашивать разные детали...

- Нагасаки. Да! Соболезную. Гады-америкосы разбомбили. Но ваши были молодцы! Как отомстили им! Раздолбали этот чертов Перл-Харбор. Как орех разделали! Класс! Круто!

И трое «скинов» почтительно расступились, пропуская вперед гражданина далекой Японии. Мюллер и его соратники отвесили вслед уходящему неуклюжие поклоны как ученики сэнсэю. «Саёнара! – произнес Мюллер слово, слышанное в каком-то фильме.- Япона саёнара! Приезжайте еще!» Он чувствовал неоспоримое превосходство гостя из страны небоскребов, компьютеров, «тойот» и роботов над ним, жителем убогого, грязного, неухоженного предместья великого русского города. Но и обитатели этого убогого предместья по его, Мюллера, разумению были неизмеримо выше жалких, темных азиатов, живущих в юртах, жарящих шашлыки из сусликов и умывающихся раз в год, и то собственной мочой. В сравнении с ними Мюллер ощущал себя киплинговским сахибом.

- Слышь, а японцы они как, арийцы?– прервал раздумья Шмайссер.

- Ну да...- ответил Мюллер, подыскивая аргумент. – Они же с немцами были союзниками.

- А чего они тогда косоглазые все? – вопрошал Шмайссер, утирая нос обшлагом куртки.

- Они просто прищурились... - после долгого молчания за Мюллера ответил Бургомистр.

ПРАДЕД И ПРАВНУЧКА

В одной восточноевропейской стране.

- Прадедушка, расскажи мне, как ты с русскими оккупантами воевал!

- Воевал милая, и в войну, и после войны.

- А вы много их убили?

- Да. Целых два гетто ликвидировали!

- Но ведь в гетто евреи жили, а не русские оккупанты. Я в книжке читала, это «холокостом» называется. А я про борьбу с оккупантами спросила...

- Какой еще «холокост»? Этим немцы занимались. А мы, наоборот, евреям помогали, освобождали... от лишнего имущества, оно же им все равно больше не понадобится. А с немцами воевали! Плечом к плечу. Они фронт держали, мы у них в тылу порядок наводили.

- А я думала, вы и против немцев сражались...

- Верно, сражались сразу на два фронта – и против русских оккупантов, и против немецких.

Помню, узнали мы, что в лесу у немцев провиантский склад с салом и шнапсом. Охрану перебили, склад освободили от провианта. Только сели победу праздновать, а тут немцы и нагрянули. Много наших тогда героически полегло. Как полегли, так и встать не смогли, такой шнапс был крепкий!

- Ты мне про русских оккупантов расскажи. Как они выглядели?

- Да разве я помню, какие у них рожи! Мы их так презирали, что всегда спиной к ним поворачивались. Как услышим, что русские идут, сразу спиной к ним развернемся – и бежать. Они плохими бегунами были, никак нас догнать не могли, зато мы летели по лесу, по кочкам, через бурелом, быстрее, чем олимпийцы на беговой дорожке. Нас даже пули не настигали, ни кудышные, выходит, пули у этих русских!

- Я знаю, что борьба была тяжелая и неравная: русских многие тысячи, а вас совсем мало. И как только у вас руки не опустились от безнадежности?

- Наоборот! Я как русских оккупантов увидел прямо перед собой, так руки сразу поднялись!

- Скажи, прадедушка, а ты не думал книжку воспоминаний написать, чтобы потомки знали и гордились твоими подвигами? Другие ведь свои мемуары издали...

- Так у меня вот такая толстая папка мемуаров в архиве госбезопасности лежит! Я им такие мемуары рассказал тогда: все пароли, явки, фамилии, и где какой отряд действует.

- Вот бы издал все это! Гонорар бы хороший получил...

- Издать?! Нет! Нет!! Нет!!! Только не это! А гонорар у меня, можно сказать, уже был. Мне за мои правдивые мемуары и срок дали минимальный, и сидел я не на Колыме, а в Подмоскowie, и устроился при больничке, а не на лесоповале сосны и елки валил, как герои моих мемуаров. Гордись прадедушкой!

- А если русские захотят твои мемуары издать?

- Пусть только попробуют! Я им сразу – иск за нарушение авторских прав и моральный ущерб пусть компенсируют! Миллион-другой в долларах или евро. А меня к тому времени в живых не будет, так ты как наследница защити доброе имя прадеда от русских оккупантов.

ЛУКЬЯНОВКА

Киев. Сентябрь. 1941 год. Семья, проживавшая на улице Лукьяновка (Артёма) решается на побег из занимаемого немцами города.

Их четверо:

Захар Аронович Зельдич – отец – 40-45 лет,

Ева Зельдич – мать – 35-40 лет,

Рая – дочь – 14 лет,

Изя – сын – 7 лет.

Они наняли подводу и двинулись прочь от Киева по неким просёлочным дорогам. Где-то подвода опрокинулась и при этом Захар сломал ногу. Они вернулись обратно и тут же соседи выдали их немцам. Семью вывели во двор и приказали рыть яму. Захар рыть не мог. Ева рыла одна под взглядами смотревших из окон и стоявших вокруг соседей. Захар сидел на земле. Изя играл на выброшенной матерью свежей земле.

Ещё недавно умный мальчик Изя начинал играть на скрипке...

Захар – был полным, высоким, лысым, и где-то – по фразе моей бабушки – в курортном киоске «очень красиво покупал и пил» виноградный сок.

Ева – была хорошенькой, модно коротко-стриженной, но почему-то любила запах испорченных яиц –

сероводород – один из первичных при образовании планеты.

Это и всё, что я о них знаю. И так я их вижу. Запомните и вы их милые индивидуальности!

Рае – блондинке с голубыми глазами – удалось с помощью дворовых подружек отдалиться от этого зрелища гибели родителей и брата. Она оказалась на улице, где играла музыка и грузовики заполняли кузова увозимой в Германию молодёжью. Ей пришлось, зная о том, что в её родном дворе расстреливают мать, отца и брата, сбрасывая их в вырытую матерью могилу, – танцевать с немецкими солдатами. Она была поднята на грузовик и увезена в Германию.

Рая под вымышленным именем провела в жестоким рабстве в Германии 4 года на некой ферме, где жила и питалась со скотом.

Она познакомилась в 18 лет с бежавшим из плена советским солдатом Григорием Елькиным из Башкирии. Вместе они продолжили его побег и после многих скитаний оказались в 45-ом году в Киеве – в нашей семье, на Подоле, на ул. Воздвиженской, т.е. в семье её (Раиной) тёти – моей бабушки. Моя бабушка была родной сестрой её отца. Мы к этому времени вернулись из эвакуации – из г. Зеленодольска (Татарстан). Рая была на 9-ом месяце беременности. Она осталась у нас, чтобы в киевской больнице родить ребёнка, а Григорий уехал в своё село в Башкирию к своим родным, договорившись с Раей, что будет ждать её там с ребёнком.

(Помню, как мама и Рая нервно собирались на площадь Богдана Хмельницкого смотреть, как будут вешать немцев. Потом они рассказывали, что один из пятерых, которому было всего 23 года, умолял пощадить его).

В Башкирии, однако, мать Григория не могла согласиться с выбором сына. Она подготовила ему в жёны девушку своей национальности и Григорий женился. Но он написал об этом Рае в Киев. Рая, взяв новорожденного сына Вадима, метнулась поездами в данное башкирское село.

(Это – неважно, но так было: Рая прихватила с собою мамино коричневое плиссированное платье с прикрепленной к нему фосфорической брошью – парусным корабликом, светившимся в темноте, – предмет моего обожания. Это был трофей из Германии, привезенный в подарок моей маме Любове Полонской её родным братом – Исаком Полонским, отвоёвавшим танкистом 5 лет, начав ещё с Финской войны. Он вернуля с 5-ю медалями и с частыми эпиплетическими ночными припадками – следствием ударной волны, направленной в его танк. (Второй танкист тогда – погиб). Да, я, пятилетняя, уже знала, что это – воровство, и очень удивлялась, почему в семье никто не произносит этого слова применительно к данному случаю, а как-то наоборот, качают головой, приговаривая (имея в виду это платье): ей (Рае), конечно, нужнее... Через недели две от Раи пришло письмо с извинением за прихваченное

мамино платье и с сообщением, что в поезде её всё равно обокрали...

Григорий – к его чести – тут же избавился от своего скоропалительного брака и женился на Рае. Они переехали в город Кумертау и прожили жизнь в достаточно счастливом браке. У них родилась затем дочь Алла и был ещё третий ребёнок.

Связь между нашими семьями существовала. Ведь Рая и моя мама были дружными с детства двоюродными сёстрами! Несколько раз, возвращаясь из летнего отдыха на Чёрном море, они всей семьёй останавливались у нас – в Киеве – на пару дней... Мы посылали ей платья, блузки, получая в ответ мёд, лесные орехи... Однажды, я помню, как я просто сражалась в толчее в Московском Пассаже, пробиваясь к прилавку, чтобы купить несколько абсолютно прозрачных нейлоновых блузок – с чёрной вышивкой – для прикрытия самых выпуклых мест женской груди. Я пробивалась, подсчитывая в уме – кому, сколько: маме, себе и, конечно, Рае., и обдумывая в то же время: да что же это такое? На чьё усмотрение выставляется почти в открытую эта, так называемая, женская прелесть? Как уродлива жизнь! Как двулична! Ведь совсем недавно – эти идеальные сокровища (редко), расплывшиеся (чаще), грубо пышные, жирные, либо худосочные, просто никакие – вровень с сутулыми плечами, в неподходящем сочетании с юбками и туфлями – были просто ненужными житейскими отходами, отбросами для гниения среди массы тел в вогкой

земле, например, Бабьего Яра... Что вдруг изменилось? Почему такая заворушка в строгом столичном универмаге? А Рая – полная, уже трижды рожавшая... – как она будет выглядеть? И... зачем... вообще... как-то... выглядеть..?

Что до меня, то я – никогда – с 5-ти лет – не чувствовала себя стопроцентным человеком на планете. Хронический страх – слабее – сильнее – мешал ежесекундно. С собой никогда не была счастлива. Есть у меня две строки – о моём яростном детском крике (от обиды на мать, не пустившую войти в море – «к ожидавшему меня на мели Посейдону»), о моей книге «Вещи и Вещицы», содержащей... пусть мнимое, но мощное, счастье и настоящее горе, да и обо мне самой, оглядывающейся на прошлое: кто же была я на этой планете? Человек? – Нет!, но некий полувялый, мелькавший то здесь, то там, бессмысленно шумный –

тысячежаворонковый форшлаг,
оттрепетавший на высоких нотах...

Перед моим отъездом в Израиль (в 1973-ем году) Рая прокляла меня «за измену Родине», так как затаила огромное зло на весь мир, за исключением СССР.

Прошу добавить к списку замученных – этих трёх моих родственников киевлян:

Захар Аронович Зельдич – 40-45 лет, отец.

Ева Зельдич – 35-40 лет, мать.

Изя Зельдич – 7 лет, сын.

Они, над вырывшей для них матерью, – могилой, были расстреляны, затем – закопаны, преданные соседями, в своём родном дворе на Лукьяновке (Артёма) в Киеве в сентябре 1941-го года.

Как они выглядели, я знаю, т.к. их портреты всегда висели на стене нашей подольской полуподвальной квартиры – при грусти всей семьи и каждодневных слезах моей бабушки.

Валентина Жукова

ДА, РАЗВЕ ТАКОЕ МОЖНО, КОГДА-НИБУДЬ ЗАБЫТЬ?

Это было много лет назад, когда я ещё была студенткой.

Приезжая на сессию, я вместе с бабушкой моего мужа залазили на русскую печь, чтобы согреться. Ей было в то время под семьдесят лет.

Не успеет она уснуть, как ей приходят страшные былые военные годы, прожитые, ею в деревне. И, по всей вероятности, пока не перевероршит годы молодости, уснуть не может. Вечера для меня тогда были самыми страшными из-за рассказов этой маленькой хрупкой старушки. Как она и все другие жители маленькой деревушки пережили зверства фашистов.

- Баба, Маша, расскажите что-нибудь из военного времени. – Прошу я бабушку.

- Слухай, тогда, если смогу пересилить себя. Это ни чай с вареньем пить? Муж ушёл на войну по первой повестке. Пришёл весь израненный, едва живой. Поставили председателем колхоза.

- Я понимаю, вас, тётя Маша. Вы жили вместе с немцами?

- А, куда ж денешься, от извергов треклятых? Так нет же припёрлися, как к себе домой. Нас из хаты с детьми выгнали, а сами всем скопом, валетом друг на друге лежали. А, как же, хатка то, не маленькая,

натопленная. Богатства то у нас не велико; одни только половики на полу, так и те также постелили под себя и половиками укрывались. Фашисты ничем не морговали. Забирались в сараи, откручивали головы сначала петухам, а потом и куры пошли в расход. Кур поели, добрались до поросёнка.

- Только у вас они бесчинствовали?

- Что, ты, голубушка? В каждой хате, такое творилось. Шнапсом головы одурачат и давай детей гонять - не щадили они их. Заставляли доить корову, а молоко приказывали отнести немцам. И себе оставляли. Однажды, я попыталась втихаря, оставить своим девочкам литр молока. Фашист подошёл к подойнику с молоком, пнул, его ногой. Молочко разлилось на глиняный пол. Раньше у нас у всех полы глиняные были. Он хватает со злости дочку за волосы и тычет лицом в разлившееся молоко на полу; вместе с глиной заставляет собирать ладошками и пить, а затем и меня заставил выхлёбывать грязное молочко.

-Tringen! Tringen! - Орал фашист.

- Я не понимала, о чём меня спрашивает. Я успевала от испуга кивать головой, а он хохочет над нами. Оставшееся молоко я вытерла тряпкой, он всё орёт «Gud! Tringen!» Потом перешёл на русский язык: «Карош, фрау пить крязь, черви в рот залезайт». Я с девка спать ест карош!

- С какой девкой, баба, Маша?

- С твоей будущей свекровью. Ей было тогда около восемнадцати лет.

Я ей приказала, чтобы она не разговаривала, как бы притворилась глухонемой.

- Почему, твой, девка не говоришь со мной? Меня не кочет, любит?

Однажды, вижу, он её тащит за волосы в сеновал.

Дочь, ни звука не подаёт. Я за неё испугалась, думаю, в самом деле, не оказалась бы от страха немой.

- Не тронь, девку! Не тронь, девку! – Схватила за него и вырываю, из его рук. – Видишь она глухонемая! Изверг, ты, треклятый.

- Отпустил? Баба, Маша, что молчите? Отпустил?

- Вместо неё он меня утащил. Слава, богу, я не девка, вытерпела позор.

- Мама, я отомщу за тебя фашистам. – Говорит младшая дочка.

- Вижу, вы в молодости первой красавицей была.

- Да, какая уж теперь из меня красавица? Слухай, дальше, что творилось в деревне.

Мальчишка лет десяти, где-то в поле обнаружил пистолет. Пришёл домой, видит, его, старого деда пытаются. Он вынул пистолет из-за пазухи, решил выстрелить в извергов. Пистолет дал осечку, не выстрелил. Озверевший немец, схватил двоих маленьких детей младше мальчишки. Связали спинками друг к другу и кинули в глубокий колодец. Десятилетний мальчишка, живо юркнул, сбежал, ушёл от пыток. Один из брошенных детей в колодец долго кричал, второго не было слышно. Фашист приказывает бросить бочку на головы детям, чтобы добить

совсем. Дед, которого пытали, схватил увесистую лавку и черпанул, двоих одним ударом по головам. Его ни ростом, ни мощной силой бог не обидел. И всё бы ничего, дед бы остался жить, но наша Красная Армия по всему фронту наступала под Орлом, а немцы, как крысы бесновались, в разные углы прятались. Заскочили в хату к деду случайно, чтобы укрыться, увидели трупы своих соплеменников, толпой подхватили деда под руки, и деда спустили в колодец. Дедушка этих детей, падая вниз головой, извернулся, упал на своих внуков ногами. Сутки пробыл дед в колодце. Их вытащили. Дедушка остался немым. Прожил после освобождения города Орла ровно месяц. А случилось это всё буквально за день до дня освобождения города Орла 5 августа, 1943 года. Теперь я каждый день, 5 августа отмечаю, как свой день рождения и вспоминаю усопших на моих глазах. Хожу к ним на могилы с цветами.

- А, что про мальчика того, что сбежал, что-нибудь слышали?

- Лучше бы не спрашивала, страшно вспомнить. Казнили малютку в другой деревне. Показной суд учинили ребёнку у всей деревне на глазах за то, что он поджёг их дом, вместо матери своей, где они ютились. Они все перепились самогоном. Он им устроил пожар, а двери подпёр. Немцы все до одного сгорели. Дома-то у всех саманные были, живо загораются, ни одна пожарная машина не успеет потушить. Да и откуда в то время были пожарные машины?

- Вас выгнали из собственного жилья, а где вы это время коротали?

- Рыли себе землянки. Лучше не спрашивай дале. Жили на кореньях, на грибах, если урожайный год, то ещё ничего. Ходили в поле колоски крадучи от начальства собирали. Очистки картофельные уминали за обе щёки.

- Зачем прятались от начальства с колосками?

- Не спрашивай, голубушка. Обнаружат, что несут в мешках, десять лет точно в лагерях колымских промываешь. У нас двоих мужиков забрали за это и с концами.

- Что же так-то с вашим братом обращались? Как тогда выживать было с детьми?

- Кто, как мог, дочка. Всё, не замай меня. Ещё один жестокий рассказ видится в глазах. Об этом я умолчу.

- Со стороны немцев?

- И полицаев русских, и немцев. Были всякие немцы. Человечные тоже были. Что-нибудь такое десертное приносили моим девчонкам. Но они не брали из их рук. Они ими брезговали.

- Дедушка, почему умер после освобождения Орла?

- Он рассудком лишился, говорил всё время: «Я на внуках, на головах стоял, а спасти не мог. Бочка мешала». Его походка изменилась после падения в колодец; то и дело переступал с ноги на ногу, как будто давал облегчение внукам от своей подошвы.

***

Однокашники прощались
Любить друг друга , свято ждаты
Обещал ей парень с честью
Страну родную защищать.

И куст черёмухи с рябиной
Растут в садочке под окном
Не забывай и нас любимых
Свято помни об одном

Не прошел версты т от дома
Ворвалась в село война
Всё, что каждому знакомо
Все разрушила она.

Загнала однажды вьюга,
Треугольник – письмецо,
Похоронку свято пряча,
Обветшалое крыльцо

Под черемухой душистой
Ждет израненный солдат
Голова покрыта пеплом
И пошёл. Не мог дождать.

*Тихо скрипнула калитка
Мать слепая с пачкою в руке
Прочитай сыночек, что здесь пишут?
С ней встречался на Днепре?*

---

*Обнявшись, седые люди
С орденами на груди
Осушают горькую, до дна.
Что-то будет? Что-то будет
Не даёт забыться шалая война...*

1943 год

***

*Лежал под собственной плетенью,
Притаившись, не дыша.
Боялся выдать собственную тенью,
Когда темнело, он стрелял.*

*Он стрелял совсем бесшумно,
Чуть дыханье, затая,
Расстояние измерял разумно,
По темноте вражину убирал.*

*А мать початки подносила,
Сънулечке, сынку поестъ,
И хватало у мамы силы,
Ведь было некогда и сестъ.*

*Лишь днём внезапно засыпал,
Он от тяжёлой дремоты,
Мать сыночка укрывая,
Читатель, как поступил бы, ты?*

*И снова в бой, под вой сирены,
Поодиночке гибнет немчура,
Не оставила она сыночка,
Оба не дожили до утра.*

*До победы оставался ровно день.
Свидетелем остался их плетень.
О них писали на рассвете:
Поэмы, песни да стихи.
Двоих цветами украшают дети,
На плетне распевают петухи.*

1945 год

Анатолий Казачин

ГОНДОН

До школы было рукой подать, только выйти из ворот барской усадьбы(как она только сохранилась!), где разместился наш детдом ленинградских детей, перейти главную (и единственную) улицу нашей деревни Тименка и вот она школа -одноэтажное здание на пригорке.

Мы всегда ждали, когда на крыльце покажется Анна Михайловна - наша учительница, директор школы и прочая, и прочая, и прочая, так как в связи с войной она была во всех лицах, до уборщицы включительно.. Она выходила на крыльцо, поднимала руку с колокольчиком и с первым звяканием мы все срывались с места и что есть силы пускались бежать. Задача была-победить в забеге. Я почти никогда не побеждал. Был слабак. Наши ребята никогда не смеялись надо мной. Другое дело-деревенские, особенно Мишка-верзила. Ну, что с него взять. Он в четвертом классе уже третий год сидит. Здоровый дурак, нас, детдомо- вских, все время задирает. Станный он, конечно, парень. Когда нас привезли, деревенские набежали, бабы плачут- «сиротинки ленинградские приехали», суют нам всякие вещи:лепешки, огурцы, ягоды. Мишка тогда тоже там был. Я даже не знал что его Мишкой зовут, а он мне такой огуречище сунул! Я в жизни такого

большого не видел. А в школу пошли-хуже его никого в школе нету, все время насмехается.

Ну, так вот. В этот день мы смотрим: Анна Михайловна стоит, колокольчик в руке держит но звяка нет, не слышно ничего из-за Мишки и двух его прихлебал, тоже деревенских. Они все что-то орут, кружатся и на палке что-то вверх держат. Ну, мы потихоньку пошли к школе, интересно все-таки что там происходит. На пригорок взошли, слышим: «Он ее до крови, он ее до крови». Смотрим-у Мишки на палке что-то белое, а трое орут, от смеха чуть не падают: » до крови, до крови!»

Анна Михайловна стоит, колокольчик в руке зажала, а сама белая совсем, ну, щеки у нее. Вообще-то она здоровая такая, мама(она воспитателем в детдоме работала в войну), когда нашу группу в школу вела первый раз, потом сказала, что у Анны Михайловны кровь с молоком. Как это может быть? Но у мамы лучше не спрашивать-всегда скажет: подрастешь-узнаешь или еще хуже что-нибудь.

Ну, эти орут, колокольчик не звонит, урок не начинается. Мы не знаем, нужно в класс идти или нет? Тут видим: на пригорок поднимается Николай, он одноногий, на деревяшке, говорят-единственный мужик в деревне.

Ну , деревня- то: двадцать с небольшим изб всего-то. Как что-нибудь чинить-всегда его просят и только он может запрячь нашу детдомовскую Машку, других она кусает. Один раз его спросили:

на каком фронте он ногу оставил? Так он засмеялся и говорит: это не на этой войне, я ее Маннергейму подарил!

Я знаю про Маннергейма-это белофинны, они на Карельском перешейке, там где дядя Гриша в танке сгорел, как это может быть - на той войне! Тогда я про похорошки не слышал и слова то такого не было. Спросил у мамы. Лучше бы не спрашивал! Опять-когда ты поумнеешь! Лучше бы книги читал! Вот библиотекарь жалуется, что Фенимор Купер у тебя уже месяц лежит! При чем здесь»Следопыт«, там же про индейцев и давно, давно это было!

Ну, ладно. Поднялся к нам Николай, спрашивает: Что за праздник. почему не учитеесь?

Мы молчим.

Тут верзила наш как опять завоет: «Он ее до крови, он ее до крови» и опять начал палкой махать.

Николай посмотрел, потом к Анне Михайловне голову повернул.

Она опять уже не белая а красная, как всегда.

Тут с Николаем будто случилось что-то. Как он прыгнет на Мишку, на одной ноге, то! Выхватил у него палку, сломал о колено и закинул далеко, далеко в лопухи. Потом стоит, весь затрясся, Мишку за воротник схватил, наш верзила даже испугался, все видели. Стоят они оба и молчат. Я тоже испугался. Нашему дураку инвалида ударить-да раз плюнуть! Потом Николай отпустил Мишку, как-то весь съежился и сказал: Эх, вы!...звери...Ведь она вчера

мужа в армию проводила... может через месяц похоронку получит... и как-то кособоко пошел вниз.

Что такое похоронка мы все уже знали....

Как почтальон приедет-в каком-то конце деревни баба выть начинает.

Когда первый раз услышал-хотел узнать: почему «выть», а не «плакать» вот когда Маня получила похоронку о Грише, она плакала, даже головой по столу била, но не выла же. Но, хорошо что у мамы не спросил, опять что-нибудь обидное бы схлопотал. Вообще с мамой разговаривать стало очень сложно, все время надо думать, как она отреагирует. О папе вообще лучше не касаться, чуть что-сразу плачет. Их тут в детдоме двое, она и Вера Михайловна. Все время пишут вместе куда-то в Москву. Как получают в ответ какие-то большие серые конверты, садятся вместе, керосиновую лампу придвинут почти к лицу, читают и плачут. Один раз я спросил, думал рассердится.как обычно, а она обняла меня вдруг и говорит: «Никакой надежды узнать что-нибудь не осталось, в списках убитых, раненых и пропавших без вести - не числится.»

Я хотел ей напомнить, как еще в начале войны, еще до голода, Маня пришла и сказала, что видела какого-то раненого в госпитале и он из той же дивизии ополченцев, что и папа. И он рассказал, что они воевали под Гатчиной и от дивизии остались единицы. Но не стал говорить маме ничего. Опять расстроится.

Но мама и Вера Михайловна опять куда-то написали и часто они по вечерам сидят вместе и гадают на картах.

Теперь, снова об этой истории с Николаем и Мишкой - верзилой.

Я, по правде говоря, ничего не понял: почему звери, почему Николай так разозлился, почему Мишка испугался инвалида? Спросил у Женьки.

Этот пройдоха всегда все знает. Его так и зовут: «пролаза» Вон, наша повариха, тетя Даша дает кочерыжку от капусты, только если начистишь ведро картошки, а этому пролезале никогда не откажет. Подумаешь, он иногда принесет два ведра воды, я бы тоже так согласился, а то чистишь, чистишь и конца нету. Так Женька объяснил мне, что на палке был гондон и кровь. Ну, что такое гондон я уже знаю и что там делают тоже слышал, лезть к маме с такими вопросами я не буду, не маленький.

Когда Пашка приезжает и старшие собираются вокруг него, всегда разговоры на эту тему. Пашке исполнилось уже 16 лет и поэтому он не в детдоме, а в городе Шуя. Он носит черную шинель и на петлицах красивые такие буквы: РУ и он говорит, что учится на ткацкого мастера и что девки там на него падают. Почему «падают» - надо будет спросить у Женьки.

Вообще, про «девок» это интересно. Фенимор Купер тоже интересно, но это совсем другое дело. У нас тоже есть «девки». И еще какие - военные.

Все в гимнастерках и защитных юбках. Но винтовок я у них никогда не видел. Они все хорошие, добрые. Особенно одна, Наташа. Она всегда дает мне кусок сухаря. Солдатский сухарь-вкусно, до чертиков.

Как они у нас появились? Это мы у них появились.

Наш детдом определили в здание бывшей помещицкой усадьбы. Все что я сейчас рассказываю-это мама мне рассказала, а кое-что слышал от ребят, но главное-от мамы. Бывший помещик был богомаз. Мама не знает, что это: фамилия или прозвище. То, что он был художник, это уж точно. Когда мы приехали и все деревенские закармили нас лепешками и огурцами, я заболел. По всему телу у меня пошли нарывы-фурункалы или фурункулы как их там называют не знаю. Пришел фельдшер-не знаю, что это? может больше чем врач? В Ленинграде таких не было.

И он заставил меня изолировать. Я лежал совершенно один в кладовке и скучно мне было до смерти. Ну, я день полежал, два, а потом стал исследовать кладовку. Еды там никакой не нашел, но нашел две горы: одна - старых пустых банок из под краски и вторая - разные книги.

Но книги-не читать, а учиться по ним.Как трактор устроен и какие у него могут быть поломки и еще про быков, картинки там-закачаешься. Называется: искусственное осеменение коров. Сначала-про краски. Это были не те краски которыми красят стены или заборы, или там мебель, это краски, как было написано:

«живописательные» фирмы Фабер и какая-то зако-
рючка. У «Фабер» в конце стояла тоже какая-то буква,
вроде твердого знака.

Ну, это не важно. Мама рассказала, что хозяин
усадыбы писал иконы и весь верхний этаж наш-это
его мастерская, поэтому там стеклянный потолок.
Потому-что художнику нужно много света. Насчет
этого я не очень уверен, что мама что-то не перепу-
тала: сколько не видел икон-всегда они какие-то тем-
ные, страшные. Зачем для них свет солнца?

Ну. вот. Барин писал иконы, это точно. Об этом нам
сама Анна Михайловна говорила, а она все-таки ди-
ректор школы. И еще она сказала, что вся наша окру-
га известна на весь мир, как место где пишут иконы,
так как в семи км от нас расположен знаменитый Па-
лех. Ну, насчет «на весь мир» она конечно загнула, но
насчет Палеха мама подтвердила: знаменитое место,
даже в книгах написано.

Как видно банки, что я нашел, действительно при-
надлежали художнику, ну а какие картины он писал,
сейчас не важно, все равно он как видно пропал, как
мама сказала «в революционных вихрях».

Художник то пропал, но здание его осталось. Это
был очень странный дом, сразу видно, что это был
дом необычного человека. Представь себе трехэтаж-
ный дом, но весь деревянный. Правда, третий этаж
не этаж совсем, а какая-то башенка, а вместо крыши-
как балкон, по крыше ходить можно. Вот на этом-
то третьем этаже были наши солдатки. Ход к ним был

закрыт и написано было, что кто войдет пойдет под суд военного времени. Женька сказал, что сразу расстреляют. И еще Женька сказал, что это пост «в нос». Я начал смеяться, что нет такого в армии, что это он все врет, но Женька сказал, что я дурак и, что у меня молоко не обсохло. Что это такое, не знаю где прочитать, не спрашивать же. Но

Женька сам объяснил, что «в нос» это вовсе не бьют по носу, а военное сокращение, по первым буквам «воздушное наблюдение, оповещение и связь.» Я как пришел домой, сразу написал на бумаге и верно-получается « в нос». Этот пролаза даже в военные тайны пролез, ну и Женька. Но потом я и сам узнал, как- то говорили в группе: Девки-солдатки не должны стрелять, они должны смотреть на небо и слушать.

Как появяться немецкие самолеты, сразу звонить командиру, а тот приказывает и наши ястребки вылетают и не дают немцам бомбить Горький. Это город такой не такой большой и важный как Ленинград, но все-таки важный. Я не люблю когда говорят «девки» и мама ругается, один раз спел ей песню, частушка называется: «У гармошки, у тальянки отломилось ушко, а у девки, у солдатки прибавляется брюшко.» Как мама начала кричать на меня, что «я уже во втором классе и уже не в младшей группе и когда у меня немного ума появится» - хоть из дома убегай.

Насчет второго класса. Сама пришла в школу и просила, что бы меня перевели в третий, так как я теряю время во втором. А Анна Михайловна сказа-

ла: «но Вы же сами говорили , что он в Ленинграде кончил только первый класс. Ну, она сказала, что я, когда не ленюсь, могу решать задачи за третий класс. Смешная мама, как-будто что-то изменилось. Ведь мы все, больше двадцати человек, сидим в одном классе. Ну, подойдет Анна Михайловна, положит на парту учебник и скажет: спиши это упражне- ние, или реши задачу номер... вот и вся разница в классах. Когда мы уж очень расшумимся, она всегда говорит: »а еще ленинградцы«. Вообще-то она хорошая, я ее люблю. Первое время после случая с гондоном я все боялся, что принесут ей похоронку, но потом как-то забыл уже про это .Женька, этот пройдоха, даже здесь что-то знает. Как-то зашел разговор о муже Анны Михайловны и он сказал, что видел, как она читала письмо от него и она сказала что он на Тихом океане, моряком.

Ну, там ведь войны нет. Вообще-то я боюсь войны. Боюсь что немцы придут и всех нас убьют. Мы спим в большом зале на втором этаже, это где мастерская этого богомаза была и моя кровать в конце, у самой стенки, а на стенке карта висит и там воспитатели собираются и отмечают красной ниткой линию фронта. Когда засыпаешь, нитка эта прямо перед глазами. И страшно.Она все прогибается на восток и прогибается, уже почти до Волги дошла и листовки немецкие в парке нашли. Наташа - солдатка рассказала, что немцы их с самолетов бросают. Я к маме с этими страхами не лезу конечно, но как-то слышал как она сказала: «нас,

евреев, они убьют в первую очередь. Хоть бы б-г дал, если погибать, так с детьми вместе». Про евреев я, конечно, знаю. Иногда слышишь: Ты, жидовская морда. И почему я хлипкий такой уродился? Насчет линии фронта: я все не понимал - откуда воспитатели знают, как она проходит. Ведь здесь нет тарелки-радио, как было у нас дома, в Ленинграде. Все-таки спросил маму. Она рассказала, что воспитатели по-очереди ходят в сельсовет и там телефонистка в Палехе включает им радио в телефон ровно в 7 часов утра и они по телефону слушают «От Советского информбюро» Еще она сказала про телефони- стку какое-то слово странное: серобольная или сердцебольная, не помню, но вобщем, добрая, хорошая и что она нарушает инструкцию. Ну, про инструкцию, я уже знаю. Это как приказ и могут посадить в тюрьму.

Как-то незаметно пришла зима и настал праздник «Новый Год» 1943.

Но настроение не праздничное. С одной стороны праздничное-немцев разбили под Сталинградом, что то больше 100тысяч забрали в плен и нитка на карте пошла на запад , а с другой стороны воспитатели все время шепчутся, что на год дали только половинную норму продуктов и нечем скоро будет кормить детей, да и с топливом какие-то «перебои» и надо самим пилить сухие деревья в парке и никто не умеет, а мужчин нет. Насчет продуктов , как-видно, дело действительно плохо. Я пошел на кухню, просить кочерыжку, взял как всегда ведро и стал чистить картошку.

Клава-повариха через пять минут подошла, как раскричалась, что я толстую кожуру для скорости оставляю, а я чистил нормально.

Я разозлился и как дал ногой по ведру, картошка на пол. Что тут началось! Все на кухне - на меня. Ты говорят - хуже немца. Мама прибежала.

Стала плакать. Так мне нехорошо стало. Да пропади пропадом эта кочерыжка!

А после Нового года у нас начались новости. Во-первых Наташа-солдатка сказала нам, что их часть (то же мне часть-8 девок) пере-водят на запад. Женька спросил: а кто же будет охранять Горький, так она сказала, что у немцев уже нет самолетов, чтобы бомбить Горький, они «драпают». Какое интересное слово и красивое такое «драпать». Все-таки интересно, а при чем здесь драповое пальто?

Во-вторых, наша директор интерната(нас никогда не называли детдомовскими, всегда интернатские, это мама мне объяснила, потому что у многих ребят есть хотя бы один родитель или дядя или тетя, которые их заберут, когда вернемся в Ленинград) сказала, что когда сойдет снег, все будем сами копать огород и сажать картошку и капусту и это будет наша помощь фронту. Это здорово! Значит и я буду помогать бить фрицев! Отомщу им за папу и дядю Гришу!

В-третьих. Где-то в марте пришла машина, грузовик и на нем приехали солдаты-мужики, целых двадцать человек. Они сказали что были на фронте, а теперь на отдыхе. Они будут нам пилить деревья

и колоть на дрова. Ничего себе отдых! Но с этим же грузовиком уехали наши солдаты. Я долго стоял рядом и смотрел на Наташу. Так мне было жалко с ней расставаться. Я ей говорил все время: »Смотри не простудись на открытой машине, а она отвечала: «ничего, я в сибирском полушубке, нам выдали» а перед этим она дала мне несколько сухарей и банку тушенки и сказала, чтобы я отнес это маме. А потом обняла меня и заплакала.

Сказала, что я как братик маленький для нее. Она рассказала, что ее мама умерла, а папа на фронте и уже полгода нет от него писем, а еще, что у нее был маленький братик и он умер от дифтерии еще до войны. Грузовик ушел, а я долго стоял и смотрел на дорогу. И вдруг так мне стало как-то плохо, слезы сами полились из глаз, как у девчонки какой-то. Наташу стало жалко. Я забоялся, что ребята дразнить будут. Пошел, как-будто в уборную.

Пришла весна и все воспитатели и воспитанники вышли на копку огорода. Пришел Николай-одноногий, запряг Машку и куда-то уехал.

Потом вернулся и на телеге привез плуг из колхоза. Воспитатели и младшая группа остались с Николаем и он пахал на лошади а дети и воспитатели шли за ним и сажали картошку. Это называется: под плуг.

Потом я слышал, как мама говорила Вере Михайловне: »огород, огород- дом но это же антипедагогично. Маленькие дети кругом, а Николай ругается на Машку так, что у меня уши вянут». Опять говорит

как-то слишком по-ленинградски. Кто ее поймет так: уши-вянут, что это цветы, что ли? А мы, старшая группа, копали в другом месте. Лопатами. Лопату мне дали такую тяжелую. Натер мозоли водяные. Хорошо, что на следующий день не надо было работать. Мама намазала мне чем-то зеленым и вонючим. Прошло. Там, где мы копали, девчонки сажали рассаду капусты. Просто не верится, что из этой травки может вырасти кочан и еще с кочерыжкой. По случаю полевых работ(так это называется) мы два дня не учились.

Вообще, время стало бежать просто, как мама говорит, без оглядки.

Карта уже не пугает меня. Нитка где-то на Украине и начали говорить о возвращении в Ленинград. Но когда говорили об этом и около нас был Николай, он сказал: «Торопливость нужна только когда блох ловишь. Немцы продолжают стоять около Ленинграда и обстреливают его из пушек калибра 200 мм» Ну, блохи здесь не при чем. Но 200мм это дело серьезное. Женька спросил его сколько это будет, такой калибр? Так он сказал: Вот вы арифметику почти кончили учить, скоро в пятый класс пойдете, вот и решите задачу: Какой калибр у винтовки образца Мосина, которую я вас разбирать учу, помните? 7 и восемь десятых миллиметра. разделите 200 на этот калибр и получите во ск.раз эта пушка больше винтовки. Да, забыл рассказать:

Однажды Анна Михайловна пришла и Николай за ней стучит своей деревяшкой и Анна Михайловна

говорит: «Вы уже большие, через год покинете начальную школу, будете в Палехе учиться. А сейчас будет у вас новый предмет:»Военное дело» Учить вас будет опытный солдат, старшина Николай Иванович Сомов и на Николая показывает.

А мы и не знали, что он старшина. Потом как-то Николай фотографию свою принес, вместе с - как он сказал - «однокашниками по курсу старшин».

Женька потом сказал, что он и вправду был старшиной, т.к. у него четыре треугольника на фотографии. Может быть пролаза врет, я про треугольники ничего не знаю. У дяди Гриши были четырехугольники и только три.

Так насчет калибров всяких. Мы десятичные дроби проходили, вернее сейчас проходим. Но как разделить на семь запятая восемь ни я, ни Женька не знали. Пошел после школы к маме. Она начала писать на листе какую-то лестницу из цифр. Дошла до низа самого, а потом и говорит: зачем тебе это надо? Я рассказал. Она обрадовалась и говорит: ну, значит тебе достаточно приблизительно. Кончила свою лестницу и говорит:приблизительно 30. Ну, я, конечно, ей не поверил. Пушка и только в 30 раз больше винтовки. Как это может быть? Сказал маме. Ну, это как она говорит: на свою голову. Она меня сейчас-же засадила учиться делить дроби и я совсем запутался: ноль сносишь, два в уме, запятую туда, а потом сюда. К черту. Мои мозги наверное еще маленькие для всего этого.

А потом настало лето. Это уже второе лето в Тименке. В первое мы только приехали и ничего толком не знали. Ходили, как дураки, за деревенскими. Я то, вообще, почти все лето был заизолирован.

В это лето мы все пошли на бочаги. Так деревенские зовут такие большие лужи, что остаются от весеннего разлива. Они говорят что давно, давно здесь была река большая. Врут, конечно. Река, это река. Куда она может подеваться. Ведь не пустыня же здесь, что бы высохнуть. Но это все не важно. Важно то, что в бочагах остаются щурята. Это дети щуки такие маленькие. Как уж сами щуки сюда заплывают, я не понимаю. Но, черт с ними, я видел на картинке в учебнике. Зубы-во! пол-руки откусят. Если бы знали, что они в бочагах, никто бы не пошел.

Страшно. Но щурята маленькие, так сантиметров пятнадцать-двадцать.

Деревенские научили нас их ловить. Это просто. Берешь маленькую такую корзинку из ивовых прутьев и идешь по дну бочага, а ногами делаешь как можно больше грязи. Ну, так, что им дышать нечем становится. Они плывут по самой поверхности и ты их видишь-такие маленькие зеленые треугольнички-это их головы. Дышать то им нужно!

Ну, тут уж не зевай! надо корзинку подвести под голову и быстро пой- мать. Один раз пошли мы с Юркой-это приятель мой. То же из старшей группы. Наловили 51-го щуренка. Сели и начали делить. Пять-десять один на два не делится. Всем ясно. Потому-что

последняя цифра не четная. Это я хорошо запомнил. Ну, решили делить их по длине, кому подлиннее, кому покороче. Делили, делили, совсем запутались и разругались. Я уже хотел сказать: черт с тобой, бери на одного больше. Так Юрка вдруг говорит, что я сжил и забрал себе двух самых больших. Вот гад! Но стыкаться не стали. Все-таки мы с Ленинграда друзья, а друзья кулаками друг друга не лупят.

Пока мы ссорились, вдруг появился Васька. Да нет, не деревенский. Это вовсе кот. Как уж он на бочаги пришел? Может он то же ловит здесь рыбу? Но зачем ему, он на кухне живет и ему там еды вдоволь. Один раз видел как Клавка-повариха ему яйцо в молоко разбила. Я хотел ей сказать насчет шелухи картофельной толстой у меня, как она орала зимой, но потом передумал. Все-таки иногда кочерыжку дадут или стакан киселя из остатков в кастрюле. А Васька, я слышал, на кухне как на работе. Он мышей ловит. По правде не верится что-то. Такой толстый и неповоротливый что бы сумел мышь поймать - врут наверное. Так насчет мышей - ни разу не видел у Васьки мышь во рту, а здесь я его увидел со щуренком во рту. Сначала думал он сам поймал, толкнул Юрку - смотри!

Юрка вскочил и чуть не плачет. Васька у него, из его кучки спер!

Ну, я сразу сообразил. Теперь можно разделить на два. 50 делится на два. Ну, погоревал вместе с Юркой. Потом мы разделили рыбу. Я отдал ему одного

из больших - на, только не плачь! и мы пошли домой хвастаться. Никто столько не ловил.

А скоро после этого опять начались полевые работы. Школа уже кончилась, был последний звонок и как-то страшно стало. На следующий год мы-шесть человек идем в пятый класс и это в Палехе.

Новая школа, новые ребята и не будет с нами Анны Михайловны, она хоть и кричит иногда, но все-таки хорошая, я по ней буду скучать.

Полевые работы это не копать как в прошлый раз, а убирать. Нам старшим опять самое тяжелое. Дали нам косы - такие железки острые и к ним приделаны такие маленькие грабли. Николай учил нас косить и все время кричал, чтобы были осторожнее и не коснули по ногам друг друга.

А грабли это только когда косят «хлеба», когда траву-их можно снять. Ну, насчет хлебов я уже знаю, проходили по ботанике, это все что с колосками. Грабли- для колосков. Но я все-таки боюсь. Как жахнут по ногам и буду как Николай на деревяшке. Но Николай поставил меня последним и сказал Мишке-он у нас самый сильный-, что бы не начинал загон до того, как я кончу свой. Загон-это действительно загон. Я как начал махать, уже через десять метров устал, дышу как Машка когда ей тяжело везти. Николай от меня почти не отходил. Помогал. Косу точил.

А потом мама пришла. Пришла и вдруг плакать начала. А я не обращаю внимания, хоть и жалко мне ее, а я машу косой и у меня уже начало получаться.

Даже Николай похвалил. А потом мама подошла и говорит: смотри сколько у тебя колосков осталось и стала собирать. Ну, я ее домой отправил, за сестренкой смотреть и стал сам собирать. Я сам знаю, что это для фронта, для солдат. Но коса, все-таки неудобная штука, если бы она хоть была не такая высокая, ведь она выше меня. Но я все-таки сделал в день два загона. Устал - ни руки не поднимаются, ни ноги не идут. Хорошо, что завтра Николай поставил меня ворошить вилами. Но косить я все-таки научился. В конце загона даже похвалил меня Николай.

Пришел сентябрь и началась новая жизнь. Нам сняли комнату в Палехе. Шесть дней мы учимся и живем у хозяйки, а в субботу после уроков идем пешком в Тименку. Это ерунда, всего пять километров. А рано утром, в понедельник, идем обратно в Палех. В Палехе интересно. Есть кино. Смотрели «Она защищает родину». Страшно то как. Как немцы маленькую девочку убивают. А потом их как танкетка давит, давит и ничего от них не остается. Но страшно. Если бы на тебя танкетка наехала! А до кино, ходили по залу, Юрка сказал «Фое» - ну, может быть и Фое. На стене картина, про Чапаева. Он на коне скачет и шашка в руке.

Но кони какие-то ненастоящие. Как в детских книжках. Там внизу написано, что рисовал какой-то по фамилии «лауреат». Плохо нарисовал, не похоже. Что это за лошади такие, шеи тонкие, тонкие. Да и

Чапаев на человека не похож. Вокруг головы шапка, не шапка, а как-бы золотым намазано. Непохоже.

А еще был в Палехе пожар. Все сбежались смотреть и мы сбежались, т.е не сбежались, а сбежали, с уроков. Странные люди в Палехе. Если бы у нас в Тименке загорелось, там у Матрены или Насти никто бы не смеялся, наоборот, помогали бы тушить. Правда, немного смешно. Сгорела пожарная команда, ну, не сами пожарные, а только их дом. А люди, те которые сбежались, стоят и смеются. Пожарные- погорельцы, говорят. И еще говорят, что меньше пить им надо. Почему меньше, если они пить хотят?

Это все весело. А мне плакать хочется. Вернулись мы как-то домой на воскресенье. Ну, я рассказываю маме о нашей жизни, об учебе, что мы уже действия с дробями проходим и я запросто могу разделить не только с десятичными, но и даже с тысячными и говорю маме, что я хочу Анну Михайловну поведать. А она отвернулась и говорит: «Нет Анны Михайловны». Я говорю: «как это нет?, а она: «уехала Анна Михайловна. Она похоронку получила. Вещи собрала и уехала в Шую, дочка у нее там, большая уже, замужем»

Не хочу больше ничего рассказывать. Даже как в Ленинград вернулись.

Эту палку с гондоном никогда не забуду.

ДЕНЬГИ ИЗ БОБРУЙСКА

Когда же, наконец, придет папа? Концерт назначен на десять тридцать. Я – солист, пою «Взвейтесь кострами синие ночи» в пионерском хоре. А ещё моя полка на выставке кружка « Умелые руки »! Старался, разузорил лобзиком фанеру и покрасил коричневой краской.

Одиннадцать, двенадцать, час. Все ребята в парадной форме сгрудились у ворот. Родителей нет. Начальник лагеря и вожатые в панике. Ближайший телефон – в красноармейском полку, до него лесом минут сорок ходу.

Час тридцать. В лагерь въезжает чёрная эмка. Вот бы прокатиться! Из неё выскакивает майор НКВД – отец Вовки Мазуркевича, выуживает сына из стайки, налетевших на легковушку, как мальки на хлеб, пионеров, и, тихо буркнув ему что-то в ухо, тащит к машине.

– Что случилось? – успеваю подбежать к ошалевшему Вовке.

– Война, – шепчет он, громоздясь на просторный кожаный диван сзади водителя. Эмка, взвизгнув при развороте, выпрыгивает по кочкам к воротам.

– Война! – кричу на весь лагерь.

Старший пионервожатый Пётр Сергеевич, тощий нескладный математик из моей школы, хватает за

шиворот, словно нашкодившего котёнка, и разворачивает к себе лицом.

– Кто сказал?

– Мазуркевич, - гордо козыряю я.

– Правда, война, - растерянно докладывает он начальнику лагеря через пару часов, вернувшись от соседей - пехотинцев. У нас всё по-прежнему. Запускаю авиамодель. Сделал сам! Одноклассница Галка с девочками собирает едва поспевшую землянику. Даёт попробовать. Вкусно!

– Гриш, а война -- это надолго? – смотрит пронзительным васильковым взглядом. Моё сердце сладко замирает.

– Недели на две, не меньше, – авторитетно повторяю слова начальника лагеря.

После ужина слышу натужный гул самолётов. Мы ещё не знаем – это немецкие бомбардировщики. Со стороны Бобруйска гремят взрывы. Два дня прячемся от бомбёжек в лесу. В сумерках вожатые водят купаться в Березине. Из города никто так и не приехал. Может быть, о нас забыли ?

Двадцать четвёртого июня начальник строит лагерь в колонну. Впереди неё – лошадь, на телеге – наши вещи в фанерных чемоданах. Беззаботно голубеет небо. Жарит сковорода - солнце. Шагаем в город. Восемь километров.

– Гриша запевай, - велит мне Пётр Сергеевич, он хочет нас подбодрить.

– Взвейтесь кострами синие ночи, - звонко солирую я. Это даже лучше, чем петь в хоре, жаль все родители не слышат.

– Мы пионеры, дети рабочих, - подхватывает лагерь, радуясь скорому концу тяжёлого пути. –Близится эра светлых годов. Клич пионера: «Всегда будь готов!» - выкрикивают двести глоток ударную строчку.

Внезапно нас накрывает огромная тень самолёта, трещит пулемётная очередь, и Пётр Сергеевич, нелепо взмахнув руками, падает в придорожную траву.

Мой папа, Соломон Соркин, всё же не рабочий, а сотрудник госбанка. В тридцать восьмом его назначают главным бухгалтером, и мы переезжаем из Могилёва в Бобруйск.

Нам - папе, маме и мне - дают большую тёмную комнату совсем близко от банка. Папа всегда должен быть, если не на работе, то рядом с ней. Каждый раз, заслышав звук автомобильного мотора, мама подбегает к окну. Она уверена: отца арестуют, как предыдущего главбуха.

– Надо ещё и этого пощупать, - балагурят в курилке энквдэшники, поглядывая на наше окно. Через год (ей всего тридцать шесть) мама сгорает от скоротечной чахотки.

Наши соседи – две семьи: управляющий банком, папин начальник, Алексей Леденёв с матерью и главный кассир Василь Кобылевич с женой и дочкой Галкой. У каждого мужчины – ключ от сейфовой комнаты. В ней - три замка, и

открыть её можно только втроём вместе с дежурным милиционером.

...Поздним вечером отец приходит домой. Я слышу шум открывающейся двери и бегу ему навстречу. Усталое папино лицо расцветает, и он крепко прижимает меня к своей груди.

– У тебя Гайдар есть? – спрашиваю утром Галку. Гулять нам теперь не разрешают – боятся бомбёжек. Читаем целый день.

– Нет, вот возьми, – даёт мне книжку в твёрдой обложке. Рувим Фраерман «Дикая собака динго, или повесть о первой любви».

Управляющий госбанком Леденёв – широкоплечий, жилистый мужик лет сорока. Воевал в Первой конной у Будённого. В бою казаки застрелили его коня. На полном скаку слетел на землю и сломал руку. Попал в плен. На допросе молчал. Когда полковник приказал его расстрелять, хорунжий пожалел патроны – их было мало. Колол его штыком одиннадцать раз. Наша конница внезапно вернулась, и Леденёва, истекающего кровью, спасли.

Теперь он велит никому не покидать рабочих мест и идёт к военному коменданту города. По его приказу патрули останавливают на дорогах грузовики и отправляют в банк. К вечеру двадцать шестого во дворе – пять незнакомых шофёров на «газонах».

Деньги – вещь лёгкая, когда лежат в кошельке. Не очень, если таскаешь мешками. Тары не хватает – пачки пакуют в шёлковые, пропитанные олифой,

костюмы химической защиты. Они разбухают от набитых в штанины и рукава денег и становятся похожими на фигуры водолазов. Мы с Галкой стараемся не отставать от взрослых. Правда, бумажные деньги нам не доверяют – носим пакеты с мелочью. Папа остаётся в банке до утра.

Кладу в чемодан тетради. Как же без них в школе? Альбом с марками. Тёплую одежду и свидетельство о рождении, не нужные мне, оставляю дома. Если понадобятся, мы ведь скоро вернемся.

К утру двадцать восьмого полуторки полны. В них плотно спрессованы (до сих пор помню эту цифру) тридцать шесть миллионов рублей, облигации, валюта, ценные бумаги и семьи трёх начальников. В банковской эмке – они сами. Каждый газик охраняют энкаведешники и милиционеры, следившие за погрузкой.

– Алексей Николаевич, - просит Леденёва сержант Фролов, пожилой молчаливый милиционер-охранник банка.

– Разрешите взять внучку.

– Не положено. Территорию банка не покидать.

В шесть утра наша колонна выезжает на старую смоленскую дорогу. В кузове грузовика, забитом фигурами «водолазов», я притулился поближе к кабине. Рядом – хмурый Фролов с кобурой на боку. Напротив – молоденький лейтенант-энкаведешник Саша. Сзади нас - замыкающий газик, там едет Галка.

Несмотря на ранний час, дорога забита. Сплошной поток движется на восток. В нём смешались грузовики и легковушки, люди и лошади, телеги и велосипеды. Столько интересного вокруг!

Вдруг вспоминаю Петра Сергеевича. Жив ли он? Часа через два – остановка у леса. Бежим с Галкой к родителям. Мимо банковской эмки тащится пегая кляча с телегой.

– Далеко до Смоленска? – интересуется дядька лет пятидесяти, по виду колхозник.

– Километров двести, не меньше, – отвечает папа.

– Давно к брату собирался, вот и повидаемся. А там и немцев прогонят, – радуется мужик.

Минут через десять Фролов помогает мне залезть в грузовик.

– Я парень денежный, – шутит Саша с полногрудой блондинкой, бредущей мимо. – Давайте знакомиться. А ведь и правда – денежный. Только это тайна – и никто посторонний про наш груз не должен знать.

Днём подъезжаем к Смоленску. Плотная масса беженцев, заполнившая дорогу, почти не двигается. Хочется есть. Галка спрыгивает с грузовика и бежит к нам.

Меня оглушает уже знакомый шум мотора: немецкий истребитель. В людской гуще вязнут грязные брызги пуль, и я вижу: Галка, споткнувшись, падает на дорогу.

– Галка, Галочка! – стремглав лечу к ней, стараюсь услышать ответ.

– Всё хорошо, - еле слышно шепчут её губы. Подбегает Фролов и, увидев пятно крови, быстро бинтует плечо. Стоны раненых. Трупы относят в ближний чахлый сосняк.

Смоленск. Леденёв звонит в Москву, хочет сдать ценности в банк. Приказа нет – едем дальше.

После бомбёжки Фролов похож на «денежных мужиков» в кузове: сидит неподвижно, молчит, в лице ни кровинки. Потом шепчет – Внученька, внученька - ...и пускает себе пулю в лоб. Алые капли обжигают моё лицо. Мёртвое тело валится набок, прижимая меня к борту газика. Из последних сил отталкиваю труп. Стучу в стенку кабины, но грузовик едет вперёд.

В каком-то городке на полдороге к Калуге Леденёв снова ругается с Москвой. Там не до нас. Бегу к Галке. Васильковый взгляд чуть грустнее, чем всегда. В сумерках подъезжаем к реке. Прохладная глубина веет недавним счастьем и покоем. Вот бы искупаться! Колонну дальше не пускают. Пробираюсь вперёд к папе.

– Дальше ехать опасно. На том берегу немцы, - предупреждает капитан, охраняющий мост.

Леденёв совещается с ним и отдаёт приказ: машины взорвать.

Внезапно с противоположного берега появляется всадник, старший лейтенант НКВД.

– Почему стоите? – спрашивает папу.

– Капитан говорит, там немцы, - кивает он на другой берег.

Энкаведэшник спешивается, подлетает к капитану, их разговор становится всё громче и на высокой ноте прерывается выстрелом.

– Продолжайте движение, - приказывает старший лейтенант, и мы едем дальше мимо капитана. Из его лба вытекает тонкая струйка крови.

Поздно вечером добираемся до Калуги. Наученный смоленской бомбёжкой, Леденёв велит всем машинам съехать с дороги в лес.

Просыпаюсь среди ночи от спящего света. Незнакомые люди. Луч фонаря бьёт в глаза. На нас направлены пистолеты.

– Кто такие? Откуда? – спрашивает старший.

– А вы кто? – отвечает ему Леденёв .

Банковских начальников вместе с сопровождающими груз энкаведэшниками и милиционерами разоружают и забирают с собой. Трое незнакомцев остаются с нами.

К полудню папа с товарищами возвращается. До калужского госбанка грузовики довозят две группы охраны – наша и местная. Москва, наконец, разрешила сдать наш груз.

Вечером всех сажают в теплушки. На каждой написано: « На восток». Через два месяца из Намангана, где отец работает главным бухгалтером банка, они с Леденёвым едут по вызову в Москву. Отчитаться за недостачу в тридцати шести миллионах семнадцати рублей двадцати четырёх копеек.

Борис Худимов

РУССКИЙ ХАРАКТЕР

По лесу идёт партизан с забинтованной головой. Вдруг он замечает сидящего под деревом немца. Партизан тихонько подкрадывается сзади. Осторожно берёт лежащий возле немца автомат. Замечает, что у немца закрыты глаза. Становится перед немцем и стреляет в воздух. Немец вскидывается и с гримасой боли хватается за свою ногу. Партизан наставляет на немца автомат и смотрит ему в глаза. Немец испуганно начинает говорить по-немецки. Какое-то время длится эта сцена. У немца в глазах ужас. Партизан обращает внимание на ногу немца. Из-под руки немца, которой он держит ногу, сочится кровь. Партизан начинает разматывать бинт, которым обмотана его голова. И эти же бинтом начинает бинтовать немцу ногу. Немец не перестаёт лопотать. Забинтовав ногу, партизан садится рядом с немцем, достаёт кисет и скручивает сигарету. Закуривает. Докурив до половины, протягивает бычок немцу. Немец курит и не перестаёт говорить. Партизан достаёт нож. Немец начинает панически на уровне визга лопотать. Партизан, не обращая внимания на немца, достает из вещмешка консерву и вскрывает её ножом. Медленно ест с ножа. Протягивает немцу консерву. Немец жадно начинает есть. Партизан встаёт, поднимает немца, взваливает его на спину и начинает идти. Немец лопочет.

Александр Шапиро

ЗА ЖИЗНЬ!

Когда мы с Севой, старым моим приятелем, вбежали в его квартиру – там никого не оказалось.

- Мама, папа - закричал он, - где вы, ау!

Севе надо было ещё успеть переодеться. Мы опаздывали в филармонию на концерт, посвящённый Дню Победы. В гостиной работал телевизор, а на столе и под ним были раскиданы какие-то газеты.

Сбрасывая на ходу одежду, Севка кинулся к шкафу, но, открыв дверцу, отпрянул назад. Оглянувшись на меня, чуть заикаясь, прошептал: «Там папа стоит...». Я находился у книжных полок и, ничего не понимая, подошёл поближе. Щурясь от света, на нас смотрел Ефим Семёнович, вытянув зачем-то руки по швам. Маленький и худой, с испуганным лицом, он выглядел как непроказивший мальчишка, играющий в прятки.

- Разрешите обратиться? - по-военному спросил он меня. В сильном замешательстве, как и Сева, я с трудом выдавил: «Пожалуйста».

- Я всё расскажу, - продолжил отец моего друга, - выйдя из шкафа, - только не бейте меня. И говорить буду только правду, зачем мне врать, ведь я знаю кто вы... В прошлый раз мне сломали очки, а я без них ничего не вижу. От волнения его руки дрожали, он то и дело поднимал их, прикрывая ладонями лицо и голову.

- Вы не узнали меня? - переглянувшись с Севой, - спросил я.

- Узнал, почему не узнал, - посмотрел на меня Ефим Семёнович, - вы лейтенант Капшук из особого отдела. Тогда вы говорили, что жида всегда притворяются, что у них нет памяти, кричали и били меня по голове. Но я всё помню. Потом взорвалась бомба...

В госпитале мне сказали, что вас убило, но я не поверил... Я знал, что вы будете искать меня. Вот и сейчас увидел по телевизору, как вы выскочили из землянки, но обратно не вернулись. Я понял, что вы пошли ко мне...

Резкий стук в дверь прервал наш диалог: на пороге с полной авоськой стояла Зоя Марковна, Севина мама. По её побледневшему и взволнованному лицу было видно, что она слышала наш разговор ещё в прихожей.

- Здравствуйте, - кивнула всем головой, и стала выкладывать из пакетов на стол купленные продукты. Вкусно запахло копчёной колбасой и сдобой...

Посмотрев на устроенный Севой беспорядок, тихо попросила: «Останьтесь ребята, пожалуйста, ведь сегодня такой день... Я знаю, что вы взяли билеты в филармонию, но у вас ещё столько концертов впереди.»

Нас не надо было уговаривать, потому что мы и сами понимали, что не можем оставить её одну с Ефимом Семёновичём, да ещё в такой день...

А руки его всё ещё вырывались растопыренными пальцами в разные стороны, хотя внешне он выглядел спокойным, но уже отрешённым от всех.

Потому что взгляд его был совсем далеко, устремившись через окно к небу, во мрак далёкого прошлого... И оттуда, издалека, оно так нахлынуло на него, что сев на диван, он, вдруг, стал делиться своими воспоминаниями с нами:

- Призвали меня в армию из Саратова, где я учился в институте. Нас долго везли к линии фронта. Там же, наскоро обучив, бросили в первый бой. Так продолжалось несколько месяцев: окопы, стрельба, передышка и снова окопы.

В ту ночь нашему отделению удалось устроиться на ночлег в недавно срубленный дом. Внутри было хорошо и уютно. Я спал на кровати, у стены. Доски ещё пахли лесом, и мне всю ночь снилась маёвка на какой-то поляне.

Утром нас обстреляли из миномётов. Кто в чём был выбежали искать укрытия. Стояла ранняя осень и ещё было тепло. Я успел влезть ногами в сапоги, а гимнастёрка с документами осталась в комнате. Во дворе сильно шарахнуло, и я упал. Пришёл в себя в сарае, куда меня затащили санитары. Голова гудит, а рот словно заклеило – открыть не могу, руками себя ощупал – целый вроде. Двое солдат помогли мне встать. Смотрю на них и не узнаю, не из нашего взвода. Они на меня тоже смотрят и спрашивают:

- Ты кто такой, из какой части, как твоя фамилия? Я бы хотел ответить, да рот не открывается. Тут, на свою беду, пошарил по карманам и достал очки. Целые! С радости одел их.

- Да это же немец, - услышал я, - он и по нашему говорить не умеет.

- Нет, - отвечает второй, - еврей это. Посмотри-ка на его шнобель. Они начали спорить, а потом решили, что лучше всего доставить меня в особый отдел.

Когда начался допрос, знаками попросил карандаш с бумагой и, как мог, написал о себе. Так меня контузило, что речь я почти потерял, только шепелявил, да и слышать стал хуже.

Всё-таки Бог есть: мои документы нашлись, меня опознал мой командир взвода. Только вы, лейтенант Капшук, не поверили мне и сказали, что всё равно докажете, что я немецкий шпион. Сначала вы меня били, потом написали за меня признание, но я не подписал его. Даже переводчицу из штаба пригласили, чтобы она задавала мне вопросы по-немецки. Ты ведь помнишь, как это было, повернулся Ефим Семёнович к жене...

Нас снова бомбили, и меня тяжело ранило. Больше я не воевал, мотался по госпиталям. Сразу после войны случайно встретил эту переводчицу, Зоеньку. Мы из одного города оказались. Поженились. Сейчас уже пенсионеры: я инженером работал, она – учителем.

Ефим Семёнович умолк, но через мгновение тяжело вздохнул и, перейдя на шёпот, повернувшись ко мне лицом, буквально выдавил из себя:

- Вы всё-таки нашли меня, лейтенант. Я обещал и теперь рассказал вам всю правду. Я – немецкий шпион, а завербовали меня на поляне в лесу, во время

маёвки. Выговорив последнюю фразу, он весь как-то сник, веки потяжелели, а голова скатилась на бок. Он заснул, и Сева с мамой отвели его в спальню.

Так закончилась эта исповедь, а наступивший вечер низко опустил над городом майские звёзды. Они мигали, гасли и зажигались, как поминальные свечи, горевшие в тот день в каждом доме.

Тихо вернулись Сева и Зоя Марковна. Они быстро соорудили ужин, а Сева достал из холодильника бутылку водки.

- Не плачь, мама, - вдруг воскликнул он, - папа проспится и всё будет хорошо.

- Если бы это было так, - ответила она, - опустив голову. Первый раз за все годы он не с нами за праздничным столом.

- Праздничным? – горько вырвалось у Севы...

- Да, сынок, - подняла рюмку Зоя Марковна. И серебристая прядь её седых волос словно осветила наши лица. Да, твёрдо повторила она, мы победили смерть. Ефим, имя твоего отца, по-еврейски звучит Хаим, что означает жизнь. Она досталась нам дорогой ценой. Давайте выпьем за неё: Лехаим! За жизнь!

Два года спустя я получил письмо от моего друга из Израиля.

- Папе после лечения уже лучше, - писал Сева, - он по-прежнему много читает, учит иврит, но мы выключаем телевизор, когда что-то показывают про войну. Тень лейтенанта Капшука всё ещё висит над ним.

*Инесса Шевцова
(И.Часевич)*

МАМА...

Мария вышла на просвет между деревьями – впереди маячила «колючка» концлагеря... Она остановилась перевести дух. Сердце неистово колотилось от усталости и страха – сколько недель она шла сюда, Мария не знала – дни мелькали, как кадры убыстренной съемки. Только одно придавало силы жить – желание дойти... Мария опустила на землю и привалилась к стволу дерева. Надо унять предательскую дрожь в коленях и выйти к людям... Хотя фашистов назвать людьми сложно... Но у нее не было другого выхода – иначе зачем были все эти месяцы страшной, тяжелой дороги? Она закрыла глаза и тут же перед ней замелькали обрывки воспоминаний, где перемешивалась мирная радость и военная беда.

Вот она летним утром на речке, рядом Тося и Ваня. Гриша сладко спит в мамином животе, пока она полощет белье на мостках. Дочка потянулась за красивой кувшинкой – еле успела схватить ее за поясok красного в крупный белый горошек сарафанчика...

Теплое июньское воскресное утро. Голос из черного репродуктора перечеркнул мирные планы, отнял мужа-морзяка и надежду на счастливое материнство. Гриша родился перед самым приходом немцев в родное Новоселье. Старостой назначили дядю Федю – соседа –

инвалида, отца трех смешных русоголовых сестричек. Только он не был предателем – соберет для немцев продукты, а сам Ваню Егорова – четырнадцатилетнего связника к партизанам отправит – передать, когда и где проедет обоз... Выдала соседа какая-то нечисть...

Большой колхозный амбар на площади. На казнь дяди Феди все село согнали... Когда избитого, измученного старосту привели на площадь, Тося с Ваней, как и другие малые ребяташки, убежали в амбар, зарылись в старое, слежавшееся сено и горько плакали... Сколько еще детских слез по убитым партизанским душам увидят эти стены – кто ж возьмется сосчитать...

Март сорок четвертого. Почувствовали изверги – кончается их время, и залютовали зверски. Когда всех сельчан на площадь собрали, Мария решила – смерть пришла – загонят сейчас всех в амбар и подожгут – как в соседнем Росткове. Ни стар, ни млад – никто не спасся... А куда бежать с детьми, когда каратели с автоматами рядом вышагивают? Вокруг запылали избы – добро, поколениями нажитое, в пепел обратилось. Погрузили немцы всех, как скот какой, в вагоны грузовые и на чужбину отправили...

Не знала Мария, что когда поезд уже тронулся, успел сбежать Ваня-связник, да в лес со всех ног броситься. Насилу партизан нашел – они как раз с насыпи железнодорожной возвращались – дорогу заминировали – думали – немец солдат своих повезет, или технику...

- Подождите! - Ваня задыхался от быстрого бега, - в поезде наши, новосельские, их в Германию везут.

- Срочно разминировать! - вполголоса скомандовал командир. –Бе-гом - марш!

Пригибаясь к земле, неслышными тенями заскользили партизаны к полотну, в которое недавно так удачно «вписали» мину замедленного действия. Володя – сапер метнулся к насыпи. Послышался шум приближающегося поезда. Эти минуты показались Ване годами. Наконец под куст «скатился» довольный Володя и тут же мимо простучали колеса...

- Успел, - выдохнула вся группа и устремилась в глубь леса...

Под Псковом эшелон начали бомбить наши самолеты. Кое-как выбравшись из покореженной груды металла, Мария толкнула детей в глубокую воронку, сама спрыгнула следом, и, как орлица распласталась над малышами...Крики, стоны, скрежет, вой бомб – такого ужаса она в своей жизни не испытывала никогда. В минуты затишья, когда самолеты шли на разворот, ей чудилось, что кто-то рядом ходит и разговаривает. «Я, наверное, схожу с ума. Кто здесь, в этом аду, может ходить?»

- Мама, мамочка, слышишь? – Раздался тоненький голосок Тоси, - мама, там кто-то есть...

- Там никого не может быть...

- Мамочка, я хочу посмотреть, пожалуйста, можно?

- Я сама!

Стараясь опередить любопытную Тосю, Мария немного приподнялась и осторожно выглянула из воронки. Рядом ходил седой старик. Белая борода развевалась на ветру, голова была поднята к небу. Потрясая худыми руками, он повторял, как заклинание: «Поддай, им, сынки, поддай, родимые!» Как же он хотел, чтобы наши самолеты разбомбили немецких гадов, и уже было не важно – погибнет он сам, или спасется... Налет кончился. Вскоре пришел новый состав, и, орудуя прикладами, фашисты загнали всех уцелевших в вагоны.

Когда их привезли в Прибалтику - началось самое страшное – «сортировка» - в одну сторону немцы сгоняли молодых и здоровых, могущих «работать» на Германию, в другую колонну отправили стариков и детей. Самых маленьких вырывали прямо из рук матерей и швыряли в толпу. Крики, плач, автоматные очереди... После этого, отобранных для работы увезли...

Через месяц Марии удалось бежать. Лагерный врач – немолодая женщина, с печальными глазами и страшно усталым лицом, подменила документы. Теперь Мария стала считаться умершей. Ночью молодая женщина проползла под «колючкой» и бросилась бежать в ближайшей лесок. Этот лес так был не похож на чащи милой сердцу Псковщины – редкий, с низкими деревьями, просматриваемый со всех сторон. Сердце выпрыгивало из груди, в висках стучало, перехватывало дыхание, а она все бежала и бежала,

стараясь уйти как можно дальше от лагеря. Сколько она скиталась по чужой земле, она не знала. Направление – куда идти выбрало случайно – видно, материнское сердце подсказало. Когда добралась до Броцены, оказалось, что детей там нет. Какой-то словоохотливый мужик сказал, что всех узников убили...

Мария упала на землю и зарыдала. Смысла жить больше не было.

- Не убивайся ты так, живы они... Те, что в лагере были... Увезли их...

- Куда? - выдохнула Мария.

- В порт, - махнула рукой женщина и протянула краюху хлеба. – Тебе на железную дорогу надо.

Женщина ушла, Мария осталась стоять, прижимая к себе хлеб. Вдалеке показалась колонна пленных солдат. Они шли, поддерживая друг друга, шатаясь от усталости и ран. Самый молоденький паренек, стоящий с края колонны так и «впился» глазами в краюху, которую Мария все еще автоматически прижимала к груди. Этот взгляд вывел ее из оцепенения.

- Нате, родненькие, возьмите, - тут же заскороговорила женщина и протянула хлеб пареньку. Он бережно подхватила краюху и начал раздавать кусочки в протягивающиеся со всех сторон руки. Охранник ударил Марию прикладом автомата. Женщина упала, колонна прошла мимо. Поднявшись с земли, она медленно побрела в сторону железной дороги...

Товарный состав, стуча колесами на стыках рельсов, медленно «вползал» на холм. Мария, пригибаясь

к земле, бежала рядом с последним вагоном, стараясь забраться на подножку. Наконец, ей это удалось, и она перевела дух на куче угля, насыпанного на дощатом полу. Временами ей казалось, что она никогда не попадет в лагерь. Сколько уже было этих поездов – пассажирских, товарных, почтовых? Сколько раз она рисковала жизнью, вскакивая на ходу на подножку вагона, она не считала. Не зная местности, не зная языка, она шла, ехала, бежала туда, где были...где должны были быть ее дети...

Мария вышла на просвет между деревьями – впереди маячила «колючка» концлагеря...Сколько дней она мечтала об этой минуте...Передохнув, она медленно двинулась к воротам. В лагере началось строительство, все узники стояли рядами на плацу. В самом первом Мария увидела своих – Ваню, Тосю и маленького Гришу. На дрожащих ногах женщина подошла к воротам. Охранники вскинула автоматы. Мария закрыла глаза, ожидая автоматной очереди. Очнувшись она от криков детей: «Мама, мамочка!». Мария увидела, как Ваня и Гриня наперегонки с Тосей бегут к охранникам, крича и показывая на женщину рядом с воротами. Немцы, грубо толкнув Марию в глубь территории, захлопнули тяжелые створки. Мария обняла детей...

Рассказ написан по воспоминанием
малолетней узницы концлагерей
Антонины Васильевны Ивановой,
г. Саров

Алексей Шутёмов

СВОБОДА И ДЕМОКРАТИЯ

Иван Калашников стоял у входа в блиндаж. Внизу, у подножия высоты закончил боевой путь Ёська Гершензон, одноклассник и сосед по двору, с которым ходили в одной пионерской дружине, вместе вступили в комсомол, вместе подали заявления на фронт. Теперь он лежит внизу, вечно созерцая небо и пытаясь его охватить, а рядом с ним верный карабин. В пулемётном гнезде фриц молча лежит на бровке, отсюда видна только каска, да протянутые руки, вцепившиеся в землю мёртвыми пальцами. Только в этом блиндаже ещё остались живые немцы, других не видать. Да и наших тоже – Иван тут один. В ППШ осталось с пол-диска, одна лимонка, одна трофейная «колотушка», две тридцать третьих. Живыми не сдадутся – не выпущу.

– Эй, фашист, сдавайся!

– Это не я фашист. Это ты фашист. А я воин сфетта и демократии, я защищаю сфободу.

– Ты чего, совсем обурел, Ганс?!

– Эта ваша пропагандистская машина промыла вам мозги. За нами всё мировое сообщество. Мы защищаем цивилизованный мир от московского варварства, и американцы нам дадут кредит и оружие. -

– Ганс, ты того, шапку зря не надевал – мозги сильно застудило...

– У меня всё в порядке с мозгом. У нас честная геббельсовская журналистика. Ваше руководство насквозь профоровалось, Сталин нагребил уже всё, что мог, вы ему больше не нужны. Возвращение Сталинграда и Кавказа – вопрос времени. И тебе нужно будет крепко затумацца – что будет с тобой. Русской нации нет, это миф, есть только великая германская нация. И мы будем мстить тем, кто сопротифляется нам, ибо мы доплестные революционеры революции пива...

– Да, это не лечится... – Иван бросил РГДшку в блиндаж; внутри рывком хлопнуло, синий дым взвился над входом, визгнула в воздухе пара осколков, и светоч мира и демократии умолк навсегда.

Более всего Иван хотел, чтобы на этой земле больше не гремела война. Но мира здесь хватило на семьдесят лет...

Марк Турков

Уважаемые читатели!

2 Февраля 2003 – Шестидесятилетний юбилей дня победы советского народа в сталинградской битве.

Я думаю, это очень важно, чтобы наши дети и последующие поколения помнили об этом подвиге, знали что СВОБОДА не есть что-то само-собой разумеющееся, а есть субстанция за которую плачено кровью, несвершившимися мечтами, недопетыми песнями, недоцелованными губами.

Мы -поколение победителей. Мы, родившиеся в СССР даже после 1945 года – все равно из поколения победителей: шестьдесят лет – это ведь только срок что бы ушли из жизни те, кто отстоял в ту страшную годину саму возможность нашего рождения, передав нам, через наши сердца вечную память о том, какой ценой было плачено за нашу жизнь.

Хотелось бы что бы и наша молодежь знала что в эти дни, шестьдесят лет назад, германская военная армада состоящая из пяти танковы дивизий, трех моторизованных дивизий и пяти аиационных полков, неудержимая и рвущаяся к берегам реки Волга была остановлена и уничтожена Советской Армией, что послужило началом конца империи «сверхчеловеков».

Армада, представлявшая собою только часть огромной, великолепно оснащенной гитлеровской армии, подмявшей под себя эстэтствующую евро-

пу и почти всю Россию; Армада укомплектованная новейшим оружием, тоннами немецкого шнапса и французского коньяка, швейцарского шоколада и миллионами пар норвежских лыж; сотнями тысяч белокурых бестий и таким же количеством надгробных крестов для них, эта казалась «непобедимая армада» захлебнулась в собственной крови, в русском снегу, в крови людей самых разных национальностей вставших на защиту совет Родины, совет Свободы. Нашей свободы.

Им, живым и павшим участникам Великой Отечественной Войны посвящается рассказ «Письмо», который я прошу опубликовать на страницах вашей газеты в виду приближения дня сталинградской победы: 2 февраля 1943 года в городе прозвучал последний выстрел и взвился флаг Победы.

P.S.

Быть может будет уместным опубликовать и текст Грамоты, которую Президент США Франклин Д. Рузвельт направил городу Сталинграду 17 мая 1944 года (она хранится в музее Сталинградской Битвы).

ГРАМОТА СТАЛИНГРАДУ

От имени народа Соединенных Штатов Америки я вручаю эту грамоту городу Сталинграду, что бы отметить наше восхищение его доблестными защитниками. Храбрость, сила духа которых во время осады с 13 сентября 1942 года по 31 Января 1943 года будут вечно вдохновлять сердца всех свободных людей.

Их славная победа остановила волну нашествия и стала поворотным пунктом войны Союзных Наций против сил агрессии.

Франклин Д. Рузвельт
17 мая 1944 года

ОГЛАВЛЕНИЕ:

ПРОЗА

Дмитрий Зотов

***

4

9 мая

5

Ким Ярушко

Ребята сороковых

6

История донская

7

Вечная память

9

Потомки, помните

10

Случай из жизни

11

Встреча

12

Надежда

13

Летающий танк

15

Мы - дети войны

16

Штрафная рота

17

Поклон тебе, солдат

19

Клянёмся

20

Сергей Александров

Вспоминания мёртвого снайпера

21

Щастя

22

Несбывшийся вальс

23

Остался только один

25

Альберт Ворон

Безымянный солдат вышел в путь...

26

Бойтесь войны, берегите мир

27

Ад на земле Ленинград

29

Валентина Иванова

Лики Победы

31

Смогла бы?

34

Карина Козлова

***

35

2013

ПРОЗА

Сергей Котов

Песня луганского зенитчика 36

Алексей Мильков

Разговор с молодым 38

поэтом-повесой о войне 38

Христиана Росс

А вы, хоть изредка,
нас всё же вспоминайте... 41

ЧуднАя...? ЧУдная Россия! 42

В русской поэзии есть имена 44

* * * 45

Славянокок 46

Алексей Шарандин

Блокада 47

Дорога Жизни 49

70 -летию Победы посвящается! 52

ПРОЗА

Галина Хабибуллина

Девочка из фзо 57

Натали 66

Ты будешь жить долго,
только не ленись 74

Дорога жизни и смерти 82

Воспитанница
немецкого детского «приюта» 87

Пленник фашистской каторги 103

Послесловие 108

Михазль Юрис

Моя Боль 109

Предисловие 110

Грозное начало 111

Глава первая 113

Преисподняя	113
Глава вторая	120
Только бы выжить...	120
Глава третья	124
Побег	124
Сергей Александров	
К вопросу о «предательстве Сталина под Варшавой»	128
Анатолий Беднов	
Саёнара	137
Прадед и правнучка	142
Вера Горт	
Лукьяновка	145
Валентина Жукова	
Да, разве такое можно, когда-нибудь забыть?	151
***	156
***	157
Анатолий Казачин	
Гондон	159
Ян Прусский	
Деньги из Бобруйска	178
Борис Худимов	
Русский характер	186
Александр Шапиро	
За жизнь!	187
Инесса Шевцова (И.Часевич)	
Мама...	192
Алексей Шутёмов	
Свобода и демократия	198
Марк Турков	
Грамота Сталинграду	202

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Военно-патриотическое издание «Помним»

*Подлежит бесплатному распространению
в период с 10 по 15 сентября во всех странах мира
среди русскоязычного населения.*

Главный редактор: Н.С.Митрохин
Технический редактор: С.В.Тихонова
Верстка: М.В.Горин

Издано с сохранением авторской редакции
Подписано в печать: 04.09.2017
Выпуск книги: 10.09.2017

Издательство:
НАП и СМИ «Русский литературный центр»
143423, МО, Красногорский район, пос. «Истра», д. 20.

Торгово-полиграфическое представительство
«Книжный ряд» 143423, Московская область,
Красногорский район, пос. «Истра», стр. 19.
Общий тираж: 15 000 экз.

По вопросам распространения обращаться:
info@litagency.ru, 8-800-200-21-55

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
М67

ISBN 978-5-000-14185-4

© Национальное агентство по печати и СМИ
«Русский литературный центр»